

Мой ласковый и нежный мент

Автор:

[Ирина Мельникова](#)

Мой ласковый и нежный мент

Ирина Александровна Мельникова

Эта девушка удивляла его все больше и больше. Не каждый мужик сможет выступить против двух вооруженных бандитов, тем более в тайге, где замести следы ничего не стоит. Людмила же решилась...

Браконьерам удалось скрыться, а вот ей выход из ущелья преградил занос. Новый сход лавины едва не накрыл подполковника милиции Дениса Барсукова, сунувшегося на дорогу в своем «уазике», Людмила чудом успела вытащить его из машины. Эти мужчина и женщина, едва познакомившись, прониклись стойкой взаимной неприязнью.

И вот теперь им придется провести ночь у костра в тесной пещерке, в опасной близости друг от друга...

Ирина Мельникова

Мой ласковый и нежный мент

Все происходящее в романе – полностью плод авторской фантазии, и потому совпадения с реальными событиями и людьми абсолютно случайны.

К северу от Саянской горной страны разлеглись на три стороны света, протянулись на десятки километров серые от дождей и промозглых ветров

похолодевшие степи. Там все еще спокойно текут не скованные ледяным панцирем реки, а вершины гор за Вознесенском уже посеребрила зима.

Поредел опавший лес, открылись дальние дали, горы сделались пустынными, нерасчетливо открытыми для ветров и морозов. Только пихтовые и кедровые леса стоят по-прежнему сурово и строго, истинный бастион на пути вездесущих метелей и пронизывающего насквозь ветра. Снег припорошил сверху черно-зеленые конусы пихт и залихватски заломленные шапки великанов-кедров, улегся на ветках, но вниз не просыпался, лишь завалил опушки леса и сделал непроходимыми подступы к нему. В самой тайге стало темней, там по-прежнему лежала сухая хвоя, а в ней все еще шуршала и попискивала мелкая лесная живность.

Уже спустились с гор осторожные маралухи с подросшими оленятами, но на утренней заре они вновь уходили наверх, стараясь как можно ловчее укрыться от рыси, медведя и волка, и иногда захаживающего сюда с Алтая красавца снежного барса – ирбиса, – своих опасных соседей и врагов. Вместе с ними, держась особняком, совершали путешествие сверху вниз и обратно пугливые косули, изящные и быстроногие, получившие в наследство от предков по-девичьи смирный характер.

Застигнутые в горах обильным снегопадом или пургой маралы и косули ложились под защиту скал, густых кустов или в пихтарнике и долгими часами дремали, поджав ноги и полузакрыв крупные блестящие глаза. Только длинные чуткие уши их ни на минуту не переставали поворачиваться туда-сюда, прослушивая воздух и землю. Влажный черный нос ловил запахи леса и подрагивал, учуяв непонятное. Переждав ненастье, животные выбирались из своих укрытий и отправлялись по глубокому снегу в давно известном им направлении, высоко и грациозно поднимая ноги, или прыгали, обрушивая и приминая сугробы всей тяжестью тела.

Они знали, что человек не оставит их в беде. То в одном, то в другом ложке или на поляне поднимались стожки сена, лежали в кормушках березовые и ивовые веники, белела под навесами соль. И звери принимали людскую заботу как должное, как выплату процентов по тому долгосрочному кредиту, который те позаимствовали у природы, почти истребив в Саянах когда-то огромные стада маралов, косуль, гордых козерогов и диких северных оленей – сокжоев...

А день между тем тихо разгорался. Солнце хотя и поднялось над горизонтом, но спряталось за длинное белое облако, окрасив его в веселый розовый цвет...

Девушка еще затемно вышла из дома и уже несколько часов шла по тайге на лыжах, устала безмерно, но первый привал сделала, лишь пройдя самый сложный участок пути – огромные нагромождения камней на опушке пихтового леса. В двух километрах отсюда располагалась небольшая поляна, где на днях она с помощью своих учеников установила небольшой стожок для косуль и развесила на специальные вешала заготовленные с лета березовые веники. Вчера весь день шел обильный снег, и косули, а возможно, и ланки с оленятами должны прийти к кормушкам... Она посмотрела на часы, позволив себе еще пять минут отдыха. На душе ее было тихо и спокойно, как тих и спокоен был окружавший ее лес, застывшие в седоватой дымке горы за ее спиной и девственно чистые снега, тронутые редким звериным или птичьим следом...

Внезапно справа от нее хрустнула ветка, и на поляну красивым прыжком выскочил матерый марал. Девушка подавила в себе вздох восхищения: таких великолепных рогов, такой гордой осанки и благородной головы с ярко блестящими глазами она еще ни разу не видела. Олень находился в великолепной бойцовой форме, которую не остудили ни первые холода, ни ледяные метели.

Красавец фыркнул и, раззадоривая себя, ударил копытом, взбив невысокие снежные фонтанчики. Прислушался. И вдруг, закинув рога на спину и вытянув шею, смешно оттопырил губы, и дерзкое и вместе с тем тоскливое «бээ-уэ-эа-а!..» разнеслось далеко-далеко по горам – первобытный и дикий клич, будоражащий кровь, заставляющий учащенно биться сердце, древний как мир любовный призыв и одновременно вызов сопернику.

Марал снова прислушался, фыркнул и тут заметил наконец странную, неподвижную тень. Но не испугался, только скосил глаза и, грациозно переступая ногами, немного приблизился к ней. Может, он принял застывшую фигуру за противника, который никак не соберется с силами, чтобы ответить на честный вызов? Если это так, то держись, слабак!.. Олень стал обходить загадочное существо по кругу, а чтобы у того не осталось никаких сомнений насчет его истинных намерений, изредка опускал голову и поддавал снег рогами, так что тот летел во все стороны, а вместе с ним обломки веток и не успевшие опасть листья кашкары и карликовой березки. В довершение всего он то и дело принимался рыть снег копытом, а сам все шел и шел по кругу, пока

налетевший ветер не кинул на него страшный запах человека и железа.

Секунда – нет, четверть секунды! – гигантский прыжок через кусты, скошенные в сторону смертельно испуганные глаза, треск ломающихся под тяжелым телом веток, грохот осыпающихся камней – и все стихло, исчезло, как видение...

Девушка печально усмехнулась. Вот как боится марал одного только запаха человеческого. Даже здесь, в заповеднике... Сколько все-таки зла принесли люди несчетным поколениям этих красивейших животных, если боязнь стала уже выверенным, запечатленным инстинктом!..

Она встала на лыжи, закинула карабин за спину и опять пошла-побежала по лесу, отмеряя последние сотни метров до кормушек. А вслед ей, отражаясь от скал и мрачной стены пихтарника, несло торжественно-величавое «бээ-уэ-а-а-а... бэу-уээ-уа-а-а!..» измученного страстью марала. Он продолжал звать ланку. Он звал на бой соперников...

Глава 1

Подполковник милиции Денис Барсуков сидел, вытянув длинные ноги под столом, и усердно пытался изобразить на лице неподдельный интерес к пространным выступлениям многочисленных руководителей районного масштаба. Речь шла о подготовке хозяйств к зиме. Начальники разных рангов и уровней потрепаться любили и в тему, и особенно не по теме, поэтому вырваться раньше обеденного перерыва не получится. Барсуков посмотрел украдкой на часы, потом измерил на глазок количество желающих выступить и еще больше уверился в том, что обед – единственная возможность улизнуть с совещания и заняться своими непосредственными делами, количество которых, несмотря на ненормированный рабочий день, росло в геометрической прогрессии.

Определив лазейку, требовалось придумать причину, по которой ему надлежало смыться. И убедительно объяснить потом главе районной администрации Кубышкину Евгению Александровичу, что исчезновение начальника райотдела милиции подполковника Барсукова связано с выполнением какого-то очень важного задания, а отнюдь не по причине игнорирования им вопросов обеспечения крупнорогатого скота кормами, а сельчан – дровами и углем.

В кабинете было жарко, от сидевшего рядом редактора районной газеты Федюнина несло застарелым перегаром пшеничного самогона, который он тщетно пытался зажевать очередной горстью «Дирола». Но импортные ароматы оказались бессильны перед запахом сивухи. И хотя Федюнин старался дышать в сторону, потел и вздыхал он столь выразительно, что даже без сопоставления оперативных данных на основе только косвенных улик было ясно и понятно, кто еще, помимо подполковника Барсукова, лелеет тайную мечту исчезнуть со столь судьбоносного для района совещания.

Барсуков вновь взглянул на часы. До перерыва оставалось сорок минут, плюс как минимум еще пять минут уйдут на стягивание с трибуны очередного выступающего, не желающего считаться с достаточно громким и выразительным урчанием в желудках голодных коллег. Выходит, без малого час ему придется терпеть похмельные запахи справа и созерцать сытую физиономию своего визави – Игоря Ярославовича Надымова, бывшего председателя райпотребсоюза, а ныне удачливого предпринимателя, успевшего вовремя прибрать к рукам все торговые точки района. Надымов изредка ласково поглядывал на подполковника, а во время короткого перерыва вышел вслед за ним на крыльцо здания администрации подышать свежим воздухом и выкурить длинную заморскую сигаретку. Очень ему хотелось затеять разговор, вроде ни к чему не обязывающий, но способный помочь быстрому сближению. Совсем легкий разговор. Так себе, ни о чем. На завтрак – совершенно невинная охотничья байка. Следом – безобидный анекдот. За ним – вздох по поводу скверной погоды и не менее скверных дорог. Мечтательное: «В баньку бы сейчас! А потом бы водочки холодненькой да под пельмени!» – и взгляд в сторону не улыбочивого начальника РОВД. Как реагирует? Понимает ли намек на возможность грядущих удовольствий в компании милого и приветливого Игоря Ярославовича?

Но подполковник на крыльце не задержался, а прямым ходом направился к желто-голубым «Жигулям», переговорил по рации с дежурным, дескать, все спокойно, начальство пока не тревожит, криминальная обстановка на десять утра существенных изменений не претерпела, правда, раскрыто по горячим следам утреннее преступление: кража козы Риголетты с подворья пенсионерки Симбирцевой.

Риголетту, известную своим вздорным нравом и противным голосом, по тембру напоминавшим голос самой Симбирцевой, видно, только в силу никудышного своего состояния – хронического похмельного синдрома – осмелился умыкнуть совсем разобидевшийся на постылую жизнь бывший кочегар районной

котельной Васька Матвейчук. Более известный по кличке Пырей Ползучий, Васька был вечным обитателем изолятора временного содержания, местной свалки и огромной лужи аккурат под окнами главы администрации, которую светлые очи Евгения Александровича по какой-то причине не желали замечать все девять месяцев со дня его вступления в столь ответственную должность.

Риголетта, оказавшись вне привычных условий, и тем более привычного окружения, не стерпела подобного надругательства над собственной персоной. И сперва хорошенько поддала рогами под хлипкие коленки Пырея, а когда тот свалился на землю, весьма профессионально отдубасила его все теми же рогами и копытами. И при этом голосила так, что разбудила спящего мертвецким сном после празднования серебряной свадьбы участкового инспектора капитана Полосухина, который и взял с поличным и вора, и разбушевавшуюся не в меру козу. Отвесив обоим по крепкому милицейскому пинку, хмурый участковый сволок и козу, и протрезвевшего Матвейчука на подворье Симбирцевой, где похититель опять чуть было не схлопотал приличную оплеуху. Руку возмездия с зажатой в ней скалкой вовремя успел отвести от опухшей рожи Пырея сам Полосухин. Затем участковый весьма оперативно взял у разгневанной хозяйки заявление о краже, после этого записал показания очевидцев схватки козы с похитителем, скоренько оформил протоколом задержание и препроводил в ИВС злостного тунеядца, жулика и проходимца Пырея, тьфу! Как его? Матвейчука Василия Петровича. Тем самым повысив районный процент раскрываемости преступлений на одну десятую процента.

Перерыв закончился, и Игорь Ярославович, взгрустнув о чем-то своем, вероятно, светлом, но несостоявшемся, вернулся на прежнее, хорошо насиженное место. Следом появился подполковник с мелкими капельками воды от растаявшего снега на погонах, не слишком дружелюбно оглядел собравшихся и устроился рядом с еще более поскучневшим и осунувшимся от непомерного употребления «Дирола» Федюниным.

За окном продолжали тихо кружиться крупные, похожие на гусиный пух снежинки. Они ложились на окружавшие село рыжие сопки, на продрогшую землю, на серый, в цвет низкого неба асфальт, на плечи и головы редких прохожих, на крыши торговых киосков и автомобилей, скопившихся на стоянке перед зданием районной администрации, известного в народе больше как «Кактус». А прозвали его так, видно, в силу явной тропической внешности, которую придавала ему сооружению в самом центре села зеленая импортная краска. Призванная олицетворять свежие, как молодая листва, идеи и помыслы

новой метлы района, это халтурное исчадие капиталистической промышленности в первый же месяц после ремонта пошло пузырями, покрылась сеточкой трещин, а в некоторых местах откровенно облезло, породив тем самым частушку, которую не преминула спеть на празднике урожая злобедная директриса районного очага культуры Антонина Веденеева:

Как в родном моем селе

Кактус вырос по весне.

Цветом он зелененький,

Словно доллар новенький.

Но осенний ветер дунул,

Кактус тут же захирел,

Весь морщинами покрылся,

Как коленка облысел...

Денис Барсуков вздохнул. Завтра на восемнадцать ноль-ноль у него назначена встреча с этой самой Веденеевой, которая командует единственной в республике народной дружиной и, как ни странно, весьма успешно со своим поручением справляется. Правда, за месяц пребывания в должности начальника РОВДа ему пришлось столкнуться с таким количеством нелепостей и несуразиц, что он почти не удивился, когда узнал, что во главе добровольных радетелей за мир и спокойствие в селе стоит молодая дама. И как отозвался о ней начальник милиции общественной безопасности Коля Кондратьев, особа довольно привлекательная, но настырная, упрямая и способная своими выходками довести до точки плавления даже бюст Петра Великого, установленный на месте памятника вождю мирового пролетариата. Засиженного голубями Ильича по настоянию все той же Тоньки снесли на усадьбу местного коммуниста Золотухина как раз на следующий день после прибытия Дениса Барсукова к месту своей новой службы.

Подполковник с головой погрузился в служебные дела, встревать в партийные баталии не собирался, поэтому известие о рокировке памятников пропустил мимо ушей, вызвав тем самым недовольство уборщицы тети Клавы, каждый вечер исправно разгоняющей пыль по углам его длинного и не очень уютного кабинета.

– Это что ж за безобразие получается, товарищ подполковник, сплошное самоуправство, а не демократия! – Тетя Клава деловито подоткнула подол, встала на колени и заглянула под тумбочку с телевизором, а потом повернула голову и снизу вверх осуждающе посмотрела на Барсукова. – Кто ж теперь, Денис Максимович, на эту площадь придет, чтоб свое недовольство выразить Евгению Санычу? Раньше Ильич так прямо ладошкой на его окна и показывал, дескать, вон он, вражина, возьми и врежь ему по сопатке, чтобы безобразиев не творил, а теперь что? Стоит эта голова с рачьими глазами да кошачьими усами, да так и пялится, так и пялится на тебя! Не по себе даже становится.

– Петр Алексеевич большим умельцем по разборкам с недовольными был. – Денис серьезно посмотрел на уборщицу, топтавшую ногой крупных рыжих тараканов, брызнувших из-под тумбочки в разные стороны. – Всех противников как тараканов давил, потому, вероятно, и в реформах преуспел.

– Реформы! – сплунула тетя Клава прямо на казненных ею тараканов. – Сказала бы я пару ласковых про те реформы, так вы ж меня сей момент на пятнадцать суток отправите, улицы мести, а сами пылью по уши зарастете. Знаю я вас, мужиков, цветок и тот сроду не польете за субботу и воскресенье, только про энти реформы и горазды болтать! А земля в горшке – что твой камень. – Уборщица деловито потыкала пальцем в цветочный горшок и горестно вздохнула: – А что ж ей не сохнуть? Батареи так и жарят, так и жарят, значит, к весне опять угля в котельной не хватит, замерзать будем!..

Денис протянул руку и осторожно коснулся ладонью радиатора отопления. Права тетя Клава, ох права! Ладонь не терпит! Он посмотрел на тщедушного начальника коммунального хозяйства, который все совещание сидел, уткнувшись носом в ворот толстого, домашней вязки свитера, а во время своего двадцатиминутного отчета о готовности коммунальщиков к зиме больше сморкался и откашливался в носовой платок, и понял, что батареи будут жарить, похоже, еще с недельку, до полной ликвидации простуды и связанного с ней озноба у хлипкого коммунального начальства.

До обеденного перерыва оставалось уже совсем ничего, а подполковник так и не придумал убедительной причины, по какой ему надлежало в скорейшем времени исчезнуть с совещания. Он взглянул на Надымова, тот немедленно и мило улыбнулся ему, а Федюнин закричал, завопил на своем стуле, потом привстал и недовольно во весь голос произнес: «Господи! Духота какая! Неужто нельзя

форточку открыть?»

Никто из присутствующих на совещании не успел отреагировать на реплику редактора должным образом, тем более открыть злополучную форточку, потому как из-за дверей кабинета донесся поначалу непонятный гвалт, затем более понятный грохот: кажется, кто-то отбросил в сторону стул. Но раздавшийся вслед за этим визгливый вскрик, а потом не менее громкий плаксивый речитатив любимой секретарши Кубышкина Верунчика подтвердил, что вместо стула, а вернее, вместе со стулом в сторону отлетела и сама Верунчик, стойко сдерживающая нахальных односельчан, извечно игнорирующих часы приема по личным вопросам и мешающих проводить совещания и заседания районного начальства. В довершение этого под дверями главы администрации послышался совсем уж непотребный шум и шипение, словно стая диких кошек принялась выяснять отношения.

В следующее мгновение двери распахнулись и на пороге появилась неизвестная Барсукову девица с короткой, почти как у самого подполковника милиции, стрижкой, раскрасневшимися щеками, яростно блестящими глазами, одетая в распахнутый на груди, утепленный, военного образца бушлат с полуоторванным цигейковым воротником. В одной руке она держала песцовую ушанку, в другой – ножку от пострадавшего в схватке стула, а локтем пыталась отпихнуть секретаршу, ухватившуюся за нее мертвой хваткой бультерьера.

Верунчик силилась обойти девицу и перехватить инициативу, но та весьма успешно прижала ее бедром в пестрых камуфляжных брюках к дверному косяку и сердито приказала: «Верка, отвяжись!»

– Людмила! – ахнули одновременно директор заповедника Кочерян и глава администрации, а директор вскочил со своего стула и еще более растерянно добавил:

– Сейчас же покинь кабинет!

– Еще чего! Я сюда не для того пришла! – Девица резким движением сбросила с плеч бушлат, не глядя отправила за спину ушанку, следом последовала ножка стула. Верунчик только-только успела уклониться от летящих в ее сторону предметов одежды и остатков мебели, а неожиданная посетительница уже переступила порог, в два шага преодолела расстояние до Надымова и

остановилась за его спиной.

Денис с удивлением отметил внезапную бледность, проступившую на пухлых щечках Игоря Ярославовича, и явный испуг в его всегда радостно распахнутых навстречу мирским соблазнам глазах. Но не успел он должным образом оценить это аномальное явление на весьма самоуверенной физиономии местного Рокфеллера, как девица ловко ухватила того левой рукой за галстук, а правой отвесила весьма звонкую и, несомненно, крепкую пощечину, потому что вздрогнула и качнулась, как от незначительного землетрясения, минеральная вода в пластиковых бутылках, а легкий шарфик, скрывающий полное отсутствие шеи у заведующей районными финансами Раисы Федоровны Олейниковой, нервно вспорхнул вверх и легким мотыльком опал на ее просторную грудь.

Верунчик и хозяйка шарфика испуганно вскрикнули. Все присутствующие загалдели, вскочили на ноги. Федюнин потянулся через стол и попытался удержать агрессивную девицу за руки, но та вырвалась и, ухватив Надымова за грудки, одарила редактора таким бешеным взглядом, что он невольно подался назад и чуть не сел мимо стула. С белоснежной сорочки Игоря Ярославовича в разные стороны брызнули пуговицы. Девица, захватив ее в кулак, приподняла свою жертву со стула, несколько раз сильно встряхнула и выкрикнула срывающимся от гнева голосом:

– Ах ты, мразь! Опять на косуль охотился? Дети их сеном подкармливают, от голода спасают, а ты на вездеходе, из карабина... – Она не договорила и вновь отвесила Надымову затрещину, теперь уже левой рукой по правому уху.

– Денис Максимович! Полковник! – Кубышкин, вероятно, от неожиданности повысил Дениса в звании, но тем не менее посмотрел на него крайне грозно. – Сейчас же прекратите это безобразие и удалите эту хулиганку из кабинета!

Худой и горбоносый Кочерян подскочил к девушке и попытался за локти оттащить ее от Надымова. Но она лишь разгневанно, словно скаковая лошадь на финише, раздула ноздри и прокричала с еще большей яростью:

– Отойди, Ашот! А то и тебе достанется! – Затем посмотрела с презрением на Надымова и с явным сожалением произнесла: – Скажи спасибо, тварь, что карабин дома оставила, а то не сносить бы тебе головы. – Она оттолкнула его от себя, презрительно отряхнула руки и посмотрела на директора заповедника. – Как

вы можете, Ашот Саркисович, сидеть за одним столом с этой гадиной? Ведь он со своими дружками не менее десятка косуль сегодня ночью положил. Сволочи! – Она посмотрела в сторону Надымова, торопливо поправляющего галстук и приводящего в порядок прическу. – Ничего, все равно я на этого подонка управу найду!

– Это я на тебя управу найду, Людочка! Допрыгалась, голубушка! Думаешь, все, что ты сейчас наговорила и натворила, тебе с рук сойдет? – процедил Надымов сквозь зубы, старательно отводя взгляд от девушки. – И за рукоприкладство ответишь, и за оскорбления, и за клевету... – Он посмотрел на продолжавшего молчать подполковника. – Сегодня я обязательно напишу заявление на ваше имя, Денис Максимович, а сейчас очень прошу задержать эту взбесившуюся особу, пока количество пострадавших ограничивается только мной и этой милой девочкой. – С прежней ласковой улыбкой он посмотрел в сторону Верунчика.

Но та вдруг неожиданно сердито сверкнула глазами и пробурчала:

– Вы себя защищайте, Игорь Ярославич, а за меня не беспокойтесь. С Людмилой мы и без вас разберемся. – И, подхватив вещи своей недавней противницы, секретарь покинула кабинет, хлопнув за собой дверь.

На мгновение в кабинете воцарилась тишина, все присутствующие вопросительно смотрели на начальника РОВД. Все, кроме самой возмутительницы спокойствия. Она ехидно усмехнулась и с вызовом оглядела подполковника с ног до головы:

– Прежде чем меня кто-то арестует, я все-таки успею разделаться с этой макакой! – Она выхватила из рук директора заповедника увесистую кожаную папку и занесла ее над ранней лысиной Игоря Ярославовича. Тот вздрогнул и прикрыл голову руками. Но удара не последовало. В последнее мгновение Барсуков успел схватить девушку за запястья, вырвать у нее из рук папку и отбросить ее в сторону. Девушка зашипела, как рассерженная кобра, попыталась вывернуться из милицейских объятий, а когда это не удалось, попробовала пнуть его по ноге. Подполковник вынужденно и неожиданно резко отклонился в сторону директора заповедника, тот, в свою очередь, подался назад, не удержался на ногах и упал на колени Раисе Федоровне лицом в декольте, прикрытое все тем же легким шелковым шарфиком.

Дама оглушительно взвизгнула, обозвала Кочеряна полуприличным словом, следом одновременно что-то выкрикнули Кубышкин и Надымов, но Денису было уже не до эмоций разгневанного начальства. Он был озабочен более серьезной проблемой: как вытолкать негодную девицу из кабинета. Отбивалась она отчаянно и, нужно признать, умело и так вывернула ему палец, что пришлось применить особый захват со спины, плотно прижать ее руки к телу и, слегка подпихивая коленом сзади, вывести вздорную нарушительницу из кабинета.

За дверями их встретила Верунчик и недружелюбно посмотрела на подполковника:

– Куда вы ее повели, Денис Максимович?

В этот момент девица сделала новую и почти удачную попытку освободиться от нежелательного захвата. Она внезапно присела и почти выскользнула из рук подполковника. В последнее мгновение Барсуков успел схватить ее за брючный ремень, но девица весьма ловко ударила его локтем в живот и, если бы Денис вовремя не среагировал и не напряг брюшные мышцы, вполне смогла бы отправить его в нокдаун.

После непродолжительной борьбы ему наконец удалось усадить девицу на диван. Она молча, с неприкрытой яростью смотрела на него и так же, как тогда в кабинете, в бешенстве раздувала крылья небольшого, аккуратно выточенного природой носа.

Верунчик подошла к задержанной, села рядом с ней и успокаивающе погладила по руке:

– Успокойся, Мила! – Она осуждающе посмотрела на подполковника, который сел за ее стол, открыл папку и достал лист чистой бумаги. – Протокол небось собираетесь писать?

– Собираюсь! – сухо сказал Барсуков, снял колпачок с авторучки и поднял глаза на девушку. – Потрудитесь сообщить свою фамилию, имя, отчество и род занятий.

Девушка устало махнула рукой:

– Отвяжитесь от меня! Ничего я вам не скажу, потому как знать вас не знаю и знать не хочу!

Денис строго посмотрел на нее:

– Не дерзите, гражданка! Я – начальник РОВД подполковник Барсуков и потому намерен вас задержать и проводить в отдел для выяснения обстоятельств хулиганства, которое имело место быть только что...

Девушка язвительно улыбнулась:

– Имело место быть... Вы по-человечески умеете выражаться, гражданин мент? Или только суконным языком протокола? – Она рассмеялась, слегка откинув голову назад, и опять повторила: – Имело место быть... Грамотей!

– Возможно, вы захотели усугубить ваше положение, гражданка, – спокойно произнес Барсуков, затем вернул бумагу в папку, застегнул ее на «молнию» и поднялся на ноги, – и потому решили намеренно оскорбить меня, обзывая ментом, но, к вашему сведению, именно так я себя и называю. – Он неожиданно и, возможно, излишне шумно перевел дыхание, но продолжал не менее строго: – И весьма горжусь, когда меня так называют другие. В особенности те, кого я исправно ловлю и отправляю в места не столь отдаленные.

– Ловят вошь в загашнике, – проворчала девица и протянула ему руки. – Надевайте наручники, господин мент, и пошли выяснять отношения, но учтите: дальнейшая жизнь вам сладкой не покажется! Уж это я вам обещаю!

– Во-первых, на дам наручники мы не надеваем, – учтиво произнес Барсуков и положил руку на девичье плечо. – Во-вторых, не забудьте одеться. ИВС не больница, и лечить ваши сопли там будет некому.

– В ИВС?! Это что ж, теперь так КПЗ называется? – Девица сбросила его руку со своего плеча и толкнула подполковника в грудь. – Отойди! От тебя ментурой за сто верст несет!

Денис неожиданно для себя сделал шаг назад и столкнулся взглядом с женскими глазами, смотревшими на него с таким презрением и ненавистью, что

он, опять же крайне неожиданно для себя, смутился и впервые в своей практике не нашелся что ответить.

Верунчик с не меньшим негодованием смерила Барсукова взглядом, протянула девушке ее бушлат и ушанку и тихо сказала:

– Люда, не горячись! Сама знаешь, с милицией лучше не связываться! Да и против Надымова не попрешь, все у него давно куплено и перекуплено!

– Как ты можешь спокойно об этом говорить, Вера? – Девушка с неподдельной горечью посмотрела на нее. – Они же, сволочи, на джипах своих... с карабинами... И знают ведь, что не уйти косулям по глубокому снегу... Не убежать! – Она вновь опустилась на диван, уткнулась лицом в ушанку и всхлипнула. – Кормушки разнесли в щепки, сено, веники – все перемесили колесами... Да я их следы ни с чьими другими не спутаю... – Она подняла голову и гневно посмотрела на Дениса: – И только высокоуважаемые господа менты изволят ничего не замечать, потому как все им по барабану...

– По барабану? – переспросил ошеломленно Денис. – По какому еще барабану?

– По африканскому! – постучала девушка ладонью себя по лбу. – По вашему деревянному тамтаму, господин милиционер! Потому что мыслите вы исключительно статьями Уголовного кодекса, а на то, что творится вокруг, вам глубоко плевать!

Барсуков скептически усмехнулся:

– А вам, выходит, не по тамтаму? Вы – активный борец с несправедливостью, но почему действуете незаконными методами? Или Уголовный кодекс для вас уже не указ?

– Только прекратите эту полицейскую дребедень! Меня от нее не просто тошнит, а скоро и вывернет наизнанку... – Людмила нахлобучила ушанку на голову, сердито буркнула: – Пошли, что ли? – и первой направилась к выходу.

– Садитесь в машину! – произнес в спину задержанной гражданке подполковник милиции Барсуков и открыл перед нею заднюю дверцу «Жигулей».

– Ах, какие предосторожности! – фыркнула девица и с вызовом посмотрела на Барсукова. – А почему бы вам лично не провести меня пешком через все село под усиленным конвоем, с автоматами и овчарками? Пусть все видят, что милиция не дремлет! И даже не боится ловить особо опасных преступников!

– Не тратьте свой яд понапрасну, гражданка! И садитесь в машину, пока я не превратился в особо опасного начальника милиции! – усмехнулся Денис. – По всему видно, не дают вам покоя лавры народной героини! Что ж, могу устроить по знакомству небольшой костерок на площади для новоявленной Жанны д'Арк! Но дрова и растопка за ваш счет! Увы, милицейский бюджет и так трещит по швам, а если проведем подобное мероприятие, окончательно вылетит в трубу!

Девица хмыкнула, окинула подполковника насмешливым взглядом и с почти елейной улыбкой на устах произнесла:

– Мерси боку за заботу, господин подполковник! И за счастье лицезреть легендарного Барса, кажется, так вас называют восторженные поклонницы? Видно, сам господь бог снизошел до нашей Тмутаракани и послал вас порядки наводить и преступников в каталажку определять! Ну что ж, желаю вам крепкого здоровья и успехов на столь благородном поприще, господин мент!

Барсуков только вздохнул в ответ – он терпеть не мог своего прозвища – и совсем уж собрался захлопнуть дверцу вслед за строптивой задержанной, которая наконец-то соизволила нырнуть в машину и устроиться в углу заднего сиденья. Но не тут-то было! Буквально в последнее мгновение девица с силой ударила ногой в дверцу, отчего подполковник, и так не слишком твердо державшийся в своих новых кожаных туфлях на покрытом тонким слоем льда асфальте, пушечным снарядом пролетел к крыльцу здания администрации и со всей тяжестью почти стокилограммового веса впечатался спиной в небольшой сугроб, скопившийся у подножия гипсовой урны.

Урна, крикнув от неожиданности, распалась на части. Над головой поверженного начальника РОВД взметнулся вихрь из конфетных фантиков и оберток от жвачки, и, приподнявшись на локтях, он увидел, как девица на всех парах

мчится прочь от машины в компании двух лохматых подростков, по одежде которых совершенно не понять, мальчишки то или девчонки.

Барсуков встал на ноги, окинул грозным взглядом двух кумушек, притормозивших напротив и с неподдельным интересом наблюдавших за попытками подполковника побороть коварное притяжение земли и более основательно закрепиться на ее скользкой поверхности.

Причем молнии, которые метнули на них из-под сдвинутых на переносице бровей серые глаза милицейского начальства, не произвели на любопытных сельчанок совершенно никакого воздействия. Они лишь отступили на шаг от обочины и ехидно захихикали, подзывая жестами третью свою товарку, спешившую вдоль сельской улицы с детской коляской, полной пустых пивных бутылок. Но насладиться бесплатным зрелищем в полной мере им так и не удалось!

Из «Жигулей» выскочил верный водитель Барсукова Сережа, велел любопытным дамам закрыть варежки и следовать дальше давно выверенным курсом, что они незамедлительно и выполнили, узрев в руках сержанта милиции Коврова резиновую дубинку, или «демократизатор», которой он весьма многозначительно хлопнул себя пару раз по ладони.

– Что без толку на теток лаешься? – упрекнул Сергея начальник, когда, слегка прихрамывая, вернулся к служебному автомобилю и, прислонившись к капоту, достал из кармана кителя пачку сигарет. – А правонарушителя упустил!

– Да какой же она правонарушитель? – удивился водитель. – Это ж Людмила Алексеевна, она моего братишку в школе ботанике учит. Пестики, тычинки всякие...

Барсуков с неподдельным удивлением уставился на Сергея:

– Так эта хулиганка – учительница? Или ты мне голову морочишь?

Сергей пожал плечами и отвел взгляд в сторону.

– А какой мне резон вам голову морочить? Учительница – она и есть учительница, правда, не настоящая. В школе учителей не хватает, вот ее и попросили уроки биологии вести и, кажется, еще географии. А так она в заповеднике работает, по научной части. Запом у Ашота Саркисовича.

– Учительница? Запом по науке? – Барсуков озадаченно посмотрел на водителя и вдруг неожиданно для того расхохотался. – Ну и лихая дамочка эта твоя Людмила Алексеевна! И частенько она так по-хулигански себя ведет?

– Да нормальная она девка, Денис Максимович! Горячая больно, но без дела ни с кем ссориться не будет! А что, – он с явным интересом посмотрел на начальство, – Надымова она успела отлупить?

– А ты-то откуда знаешь? – опешил подполковник.

– Да не знаю я, а только предполагаю, – ответил уклончиво Сергей и смущенно отвел взгляд в сторону. – Я в машине сидел, вас дожидался. А Людмила подбежала, дверцу открыла – и ко мне: «Дай, – говорит, – на время свою дубинку, надо мне хорошенько одного стервеца отлупить!» Я, конечно, посмеялся, думал поначалу, что она шутит, а потом смотрю – она вся белая и от злости прямо невменяемая. «Стой, – кричу, – Людмила! Успокойся!» А она рукой махнула – и в администрацию. Ну, думаю, держись теперь, Надымов!

– Надымов? Так ты знаешь, по какой причине она его отлупила?

– Так эту причину с утра все село знает! Ругаются, плюются, а связываться в открытую боятся. Только вот одна Людмила и осмелилась ему репу почистить.

Барсуков хмуро посмотрел на Сергея, щелчком отправил окурок в сторону поверженной урны и скомандовал:

– Ладно, хватит об этом! Поехали в отдел!

Он сел рядом с водителем и сердито захлопнул за собой дверцу. Все село знает и плюется... Взбесившаяся учительница избивает местного богатея... События развиваются, как в дешевом романе, а он только по десятку бессвязных фраз может судить о том, что случилось нечто весьма незаурядное, возможно,

криминальное, а он, начальник РОВД, даже не в курсе, что творится у него под носом.

– Поехали, – повторил он еще более недовольно, но тут заметил косой взгляд Сергея на свое плечо и чертыхнулся сквозь зубы: сержантской лычкой лег поперек погона вкладыш от жвачки, но не с невинной мордашкой Микки-Мауса, а с грудастой девицей в весьма откровенной позе. Водитель виновато улыбнулся, торопливо содрал с погона начальства наглую красотку, смахнул попутно с его рукава шелуху от семечек – явный результат столкновения с урной для мусора – и так же торопливо спросил:

– Может, проедем до пруда? Людмила ведь туда побежала. Не дай бог кому-нибудь голову оторвет!

– С чего ты взял? – опешил Барсуков. – Я думал, она убежала, потому что испугалась, что я и вправду ее задержу...

– Как же, испугается она! Она в прошлом году в одиночку шатуна завалила, а по весне двух «мичуринцев» с оружием задержала, – рассмеялся Сергей, – а дверью вас шарахнула из-за того, что Славку, брата своего, и Светку, девчонку его, в слезах увидела. На пруду в полынье лебедь-подранок живет. Они за ним присматривают, подкармливают. А тут, похоже, кто-то из местных бичей решил его на обед заполнить. Я толком ничего не понял, потому что вы в снег упали, Людмила ракетой из машины вылетела, Светка белугой ревет...

– Хорошо, поедем к пруду! – вздохнул подполковник. – Кажется, сегодня я только тем и буду заниматься, что защищать чужие физиономии от мордобития...

«Жигули» на предельно дозволенной скорости рванули через все село к старому пруду, на котором лет тридцать назад стояла колхозная мельница и где водилась пропасть карася, а в нынешние времена только пиявки да комары стали его постоянными обитателями. И лишь располневшие от избытка питания лягушки тревожили по весне его поверхность страстными прыжками в воду да зимой любители подводного лова баламутили густой и темной, как гуталин, ил в поисках мотыля – наживки для окуня и леща, которых в избытке было в ближайшем водохранилище.

Низкие берега пруда поросли боярышником и старыми раkitами, неряшливыми и растрепанными от постоянных ветров, имеющих паршивую склонность менять свое направление на данном участке местности чуть ли не ежечасно, отчего она и получила не совсем ласковое прозвище Лешачья Прялка.

К сожалению, они успели лишь к заключительному акту трагедии. Бездыханный лебедь лежал на присыпанной снегом кочке. Перед ним на коленях стояла рыжеволосая девчонка и рыдала в голос, размазывая по щекам слезы вперемешку с грязью. Высокий парень с длинными светлыми, собранными в хвостик волосами стоял рядом с ней и угрюмо наблюдал за попытками Людмилы дотянуться длинной веткой до небритого субъекта в рваной телогрейке и грязных спортивных штанах, распластавшегося на животе на тонком, еще прозрачном льду по другую сторону от полыньи, в которой, вероятно, и плавал горемычный лебедь.

– Лежи спокойно, не шевелись! – крикнула наконец Людмила и, отбросив в сторону ветку, огляделась по сторонам, очевидно, в поисках более убедительного орудия то ли спасения, то ли наказания. Мужик, заметив милицию, заерзал брюхом по льду, выругался по матушке и попытался отползти подальше от полыньи по направлению к противоположному берегу. Лед тут же закричал и прямо на глазах стал прогибаться под тщедушным мужичьим телом.

– Кому сказала, не шевелись! – Людмила топнула сердито ногой и посмотрела на выскочивших из машины милиционеров. – Сергей, топор есть?

– Есть! – Сергей открыл багажник и вынул оттуда небольшой туристский топорик в брезентовом чехле. Людмила ловко поймала его за топориче и, не глядя на Дениса, ткнула топор ему в руки.

– Рубите слегу, да поживее! Надо этого придурка вызволять! – Она кивнула в сторону мужичонки, притихшего на льду в позе парашютиста, выполняющего затяжной прыжок.

Через несколько минут милиционеры перекинули два срубленных дерева с берега на лед. Ветки деревьев накрыли мужика с головой. Он шустро ухватился за них и, перебирая обеими руками по стволу, опасно поглядывая на полынью и слегка поскуливая от страха, когда лед вдруг начинал «дышать» – потрескивать и постанывать от непосильной еще нагрузки, – заелозил ужом по

направлению к берегу. Но где-то за метр до кромки берега зашепшил, засуетился, приподнялся на коленях, и лед не выдержал, треснул и разошелся в стороны. Мужик отпустил спасительные ветки и, мгновенно оказавшись по пояс в воде, закричал отчаянно, забил по воде руками, подняв низкую черную волну, подернутую густым ледяным «салом».

– О черт! – Людмила отшвырнула носком ботинка ненужные теперь следи, и не успел никто опомниться, а она уже заскочила по колено в воду, ухватила мужичонку за шиворот, рывком вытянула его на берег и, отвесив ему внушительный подзатыльник, толкнула в руки Дениса. – Забирайте это мокрое чмо, а не то я ему точно голову сверну, как он лебедю.

– Людмила Алексеевна, – кинулась к ней девчонка. – Переодевайтесь живее, а то застынете! – И протянула ей толстые шерстяные носки.

– Подожди, – отвела Людмила ее руку, посмотрела на подполковника и неожиданно виновато сказала: – Простите, что ударила вас дверцей, но у меня времени не было объяснять, что случилось...

– Пройдите в машину, – сухо сказал Барсуков. – Объясняться будете в отделе.

– Люда. – Светловолосый парень приблизился к ним. – Не спорь, поезжай в милицию, а то и вправду простынешь.

Людмила улыбнулась и лихо подмигнула девчонке, все еще протягивающей ей носки:

– А, была не была! Добровольно сдаюсь в руки правосудия!

Она присела на кочку рядом с убиенным лебедем, стянула с ног лыжные ботинки, вылила из них воду и перебросила их парню.

– Держи, Слава! – Потом молча сняла мокрые носки, закатала до колен промокшие штанины и взяла из рук девочки сухие носки. – Спасибо, Светлана! – И тут же прикрикнула на нее: – А ну, бегом домой! Сапоги небось на голую ногу надела?

– У меня колготки! – смутилась девчонка и, оглянувшись на лебедя, скривилась. – А что теперь с Гришаней делать? Похоронить?

Людмила надела носки и прямо в них прошла к машине. Мужичонка, успевший сделать пару глотков из фляжки Сергея, которую тот возил с собой на всякий экстраординарный случай, ожил, приободрился, а в присутствии надежной защиты в лице двух милиционеров несколько обнаглел.

– Ты, Светка, точно совсем с ума съехала! – высунулся он из машины. – Я что, зря жизнью рисковал, дичь добывал? Я из нее неделю похлебку варить буду, а ты в землю зарыть ее надумала...

– Заткнись, Пырей! – Сергей ухватил его за шиворот и втянул в машину. – Сиди, погань, и бога благодари, что из этой лужи вовремя вытащили, а надо было на льду оставить до следующего утра за дела твои сволочные. Ребятишки за этой птицей день и ночь присматривали, от лис и собак бродячих охраняли, так ты почище тех шавок зверюгой оказался.

– Так жрать ведь охота, начальник! – поскреб в затылке Пырей и вздохнул. – Надо было тебе, Людка, прискакать, такую закуску по твоей милости упустил. – Он грязно выругался, приоткрыл дверцу со своей стороны и смачно сплюнул на землю. Вытер щербатый рот рукавом и с вызовом произнес: – А посадить меня все равно не посадите, граждане начальники, птица эта ничейная и сдохла бы через неделю, если не раньше.

– За ворону, возможно, и не посадил бы, – спокойно произнес Барсуков, устраиваясь на сиденье рядом с Сергеем, – но ты забыл, что лебедь занесен в Красную книгу и потому находится под охраной государства, а это значит, что действия твои подпадают под определение «незаконная охота», то есть под двести пятьдесят восьмую статью УК. А по ней грозит тебе приличный штраф, который ты полжизни выплачивать будешь. И если учесть еще нецензурную брань в присутствии женщины и детей, а также представителей правоохранительных органов, то только за это суток десять-пятнадцать будешь работать на общее благо, к примеру на восстановлении порушенных кормушек. Как вы считаете, Людмила Алексеевна, это возместит ваши материальные и моральные потери?

Людмила опешила и не нашлась что ответить. Только слегка пожала плечами, дескать, как знать!

– За что, начальник? – Пырей нервно заерзал на сиденье, и Людмила отодвинулась поближе к дверце. От насквозь промокшего Пырея несло псиной, а на полу натекла уже приличная лужа. Девушка подтянула под себя ноги и брезгливо сморщилась.

– Давай, Сережа, езжай, а то от этой твари больно дух тяжелый, того гляди загнемся от токсинов, что его портки выделяют!

«Жигули» отправились в обратный путь. И в зеркало заднего обзора Денис заметил, что парень укладывает в спортивную сумку тушку лебедя. Девочка вынула из кармана куртки вязаную шапочку, нахлобучила ее на голову приятеля, потом поднялась на цыпочки и поцеловала того в щеку. И молодые люди стали медленно подниматься по косогору в сторону села.

– Это ваш брат, Людмила Алексеевна? – спросил Денис, не поворачивая головы.

– Да, – односложно ответила она и, помедлив секунду, глухо добавила: – Дети тут ни при чем! Это я загнала Пырея на лед. Вернее, он сам туда забрался, когда увидел, что я с ребятами бегу.

– А что ж ваш брат, по виду он крепкий парень, не в состоянии был защитить птицу от этого заморыша? – поинтересовался подполковник, по-прежнему не сводя взгляда с кочковатой проселочной дороги, спешащей под колеса автомобиля.

– Но его там не было в это время. Они со Светой из школы возвращались, а соседский мальчик навстречу им бежит, кричит, что Гришаню убивают! Он как раз дежурил на берегу, когда этот мерзавец, – кивнула она на притихшего Пырея, – вздумал на лебедя поохотиться. Мальчику всего десять лет, разве мог он взрослого стервеца, да еще с поленом в руках, остановить...

– Тебя бы, Пырей, этим самым поленом да по некоторым местам! Живодер проклятый! – произнес сквозь зубы Сергей. – Мало того что всех окрестных дворняг на унты да шапки извел, теперь ребячью забаву уничтожил. Ни стыда ни совести у тебя нет, как был гадом, так и сдохнешь им! – Сергей резко

вывернул руль, объезжая воз с сеном, на вершине которого сидел известный в округе оптимист дед Банзай, по привычке горланящий: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...», и остановил «Жигули» в двух шагах от высокого крыльца районного отдела внутренних дел.

– Сергей, Матвейчука передай в дежурную часть, пусть пока оприходуют его в «клетку», а вы, гражданка, – повернулся он к Людмиле, – следуйте за мной... – Но, поймав ее взгляд, осекся: прямо у крыльца снег, разбитый колесами автомобилей, успел не только растаять, но и образовать приличную лужу. Денис хмыкнул и озадаченно посмотрел на Сергея. Шустрый водитель понял это по своему. Оставив в покое шиворот Пырея, он подхватил Людмилу на руки, молча перенес ее через лужу и поставил на нижнюю ступеньку.

– Спасибо, – тихо сказала девушка и, не оглядываясь, поднялась на крыльцо.

Пырей, ворча и ругаясь себе под нос, рысцой преодолел ступеньки и прошмыгнул в дверь вслед за Людмилой, учтиво придерживав створку перед Барсуковым.

Оперативный дежурный Орляк поднялся со стула, приветствуя начальство, и тут же расплылся в почти радостной улыбке.

– Опять, выходит, этого хмыря хлопнули, товарищ подполковник? Мы ж его и часа не прошло, как выпустили... По примирению сторон...

– Это он у нас по сто шестьдесят первой проходил? – Барсуков проследил, как заместитель дежурного старшина Вдовушкин водворяет Пырея в «клетку», незамысловатое сооружение из металлических, выкрашенных в синий цвет прутьев, рядом с дежуркой.

– По ней, родимой... Кража козы у гражданки Симбирцевой...

– Выходит, простила его гражданка Симбирцева? – сказал задумчиво подполковник. – Ну что ж, в следующий раз он удачливее будет.

– А мы о чем, товарищ подполковник? – вздохнул Орляк. – Мы ей то же самое пытались внушить, так нет, ни в какую! Видите ли, ее религиозные принципы не

позволяют, чтобы эту погань отдали под суд.

– Что ж, поглядим на ее религиозные принципы, когда он эту козу на шашлыки пустит... – Барсуков посмотрел на девушку, присевшую на широкую скамью напротив дежурной части, и приказал освободившемуся Вдовушкину: – Старшина, проводите гражданку ко мне в кабинет и проследите, чтобы не сбежала, а я на несколько минут зайду к Дроботу.

Кабинет майора Станислава Васильевича Дробота, начальника криминальной милиции, располагался на первом этаже и выходил окнами на покосившееся от старости здание ИВС – изолятора временного содержания, в просторечии «иваси», в котором до поры до времени скучали задержанные по разным причинам жители Вознесенского района. Большую часть из них составляли осужденные по так называемой «хулиганской» статье мужики, подвергнутые административному аресту за различные смелые поступки в состоянии алкогольного опьянения.

Из-за двери раздавался громкий, слегка раздраженный голос Дробота, из чего Денис заключил, что тот не один, но тем не менее толкнул дверь и вошел в кабинет. Первым, кого он увидел, оказался Надымов, с неприкрытым негодованием взиравший на вальяжно раскинувшегося в своем кресле начальника криминальной милиции. Но Стас, несмотря на несколько томный вид, инициативу разговора держал в своих руках, это Барсуков определил по нервному подрагиванию пальцев Игоря Ярославовича, в которых тот сжимал листок белой бумаги, густо усыпанный мелкими фиолетовыми буквами.

– Денис Максимович, – произнес раздраженно Надымов и поднялся со стула, – как это ни странно, но мы не нашли взаимопонимания с вашим заместителем. Станислав Васильевич наотрез отказывается принять у меня заявление по поводу хулиганских действий Людмилы Ручейниковой.

– Я так понимаю, Игорек, тебе страсть как хочется засадить ее в «клетку» на пару с каким-нибудь алкашом? – произнес лениво Дробот и притушил сигарету о край пепельницы.

– Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость! – Надымов поджал губы и с осуждением посмотрел на подполковника, молча устроившегося на стуле рядом

с книжным шкафом, забитым до самого верха пожелтевшими от времени бумажными бланками и засиженной мухами юридической литературой.

– Справедливость? – ласково протянул Дробот и вдруг почти незаметно для глаз сменил позу. Безмятежный повеса и бонвиван в мгновение ока уступил место жесткому и упрямому оперу, которым Стас и был на самом деле, лишь иногда в силу необъяснимых причин любивший изобразить из себя пресыщенного жизнью персидского кота. – Вы захотели справедливости, Игорь Ярославович? – Он пододвинул к себе кожаную папку, вынул из нее несколько листов серой бумаги и пробежался по ним глазами. – Будет вам справедливость! – Он прихлопнул листки ладонью и, перегнувшись через стол, пристально посмотрел на сморгнувшего от неожиданности Надымова. – Итак, сколько косуль вы добыли прошедшей ночью, господин хороший, подчеркиваю, незаконным способом с применением механических транспортных средств и в ночное время?

– На отстрел косуль у меня имеется лицензия...

– Возьми эту лицензию и подотришь ею! – ласково улыбнулся Дробот и вновь посуровел взглядом. – По моим сведениям – у вас были лицензии на трех косуль, а положили вы не меньше десятка, потому что с пьяного своего куража палили почем зря... Вот у меня показания свидетелей – и учти: нескольких, – которые представляют нам впечатляющую картину ваших походов, гражданин Надымов, в компании с директором акционерного общества «Факел» Арцыбашевым и владельцем частного предприятия известного всем, как лесопилка, господином Ивантеевым. Вооружившись тремя карабинами, вы на принадлежащем лично вам, гражданин Надымов, джипе «Гранд Чероки» отправились ни близко ни далеко, а аккурат на известную всему Вознесенскому поляну в урочище Аян, где дети, возглавляемые гражданкой Ручейниковой, еще в сентябре соорудили специальные навесы-кормушки для косуль и маралов на случай экстремальных погодных условий, когда вышеозначенные животные не в состоянии добывать себе корм из-под глубокого снега...

– Мы охотились не на территории заповедника. – Надымов хмуро взглянул на Дробота, потом повернулся к Барсукову. – Товарищ подполковник, когда прекратится этот произвол в отношении уважаемых в районе людей? Я вам ответственно заявляю, что не намерен более терпеть оскорбления от вашего заместителя! Вы, вероятно, еще в не курсе...

– Я в курсе, – перебил его Барсуков и уточнил: – Я уже в курсе ваших художеств, господин Надымов. И намерен более детально заняться этим делом, в частности выяснить, какой материальный ущерб нанесен государственному заповеднику «Малый Айдат», на чьи средства были сооружены уничтоженные вами кормушки. Помимо этого есть еще одно существенное обстоятельство, которое характеризует вас не совсем положительным образом. – Подполковник поднялся со стула и, остановившись напротив Игоря Ярославовича, заложил руки за спину и произнес: – Я так думаю, вы уже успели распределить мясо добытых вами косуль под видом баранины в принадлежащие вам магазины и в колбасный цех? И справки о прохождении ветэкспертизы у вас имеются, липовые, естественно...

– Позвольте! – Пухлые щечки Надымова побагровели. – На каком основании?..

– На вполне законном, Игорь Ярославович, на вполне законном, – успокоил его Стас Дробот и, лениво потянувшись, окинул Надымова скучающим взглядом. – Грубо работаете, Надымов, грубо и нагло! Учтите: времена меняются – и ваши бывшие приятели кто на пенсии, а кто и того хуже, в местах не столь отдаленных. Местечко вам греют на нарах, скучают, болезные!

– А вы меня не пугайте, майор! – Надымов побагровел еще сильнее и стал ловить ртом воздух. – От заявления я все равно не откажусь, но только дополню его рассказом о том, как меня пытались запугать начальник районного отдела внутренних дел и его заместитель. Через час это самое заявление, – он потряс измятой бумажкой, – ляжет на стол прокурора района, и посмотрим тогда, кто из нас больше пострадает.

– Давай, дуй! – Дробот движением ладони показал Надымову на дверь и произнес уже в спину разгневанному предпринимателю: – Слушай, правдоискатель, может, посоветуешься с прокурором и насчет тех десяти бочек спирта, которые вчерашней же ночью сгрузили в подвал твоей бывшей тещи в Сухановке, где, по оперативным данным, действует подпольный заводик по производству бодяжной водки?

– Какой заводик? – прошептал растерянно Надымов и застыл на пороге, не решаясь переступить его.

– По всем расчетам, – Дробот посмотрел на часы, потом на Надымова, – мои ребята уже опечатали его и с минуты на минуту доставят твою бывшую

разлюбезную тещу в сей кабинет. Представляешь, что она скажет, когда вы встретитесь здесь лицом к лицу? Ты же ей полную безопасность и неприкосновенность обещал, и вдруг такой конфуз!

– При чем тут я? – вскричал Надымов и вновь вернулся к столу. – Никаких отношений со своей бывшей тещей я не поддерживаю и ни о каких заводиках понятия не имею.

– Полностью с тобой согласен, – склонился в учтивом поклоне Дробот и вновь перешел на «вы»: – О заводике вы не знаете и, откуда фальсифицированная водка в ваши торговые точки поступает, – тоже ни сном ни духом не ведаете. Ох, Надымов, Надымов, – покачал он головой и преувеличенно тяжело вздохнул, – мы ведь с вами в одном классе учились, не подозревал, что вы настолько тупой и ограниченный гражданин...

– Хорошо, я понимаю, чего ты добиваешься. – Надымов медленно разорвал заявление на мелкие кусочки и высыпал их горкой на стол перед начальником криминальной милиции. – Черт с ней, с Людмилой! – Он перевел дух – Но про заводик ничего не докажете! Здесь я чист как стеклышко!

– Вали-ка ты отсюда кулем, Игорек, пока я добрый и тещенька твоя не прибыла! Глазюшки тебе она уж непременно постарается выцарапать, нутром чувствую, потому как с детства знаком с ее гнусной натурой!

Надымов вновь побагровел, но ничего не сказал, а лишь махнул с досадой рукой и покинул кабинет.

– Я смотрю, ты, как всегда, опередил события, Станислав Васильевич, – улыбнулся Барсуков. – А что теперь прикажете делать с этой самой гражданкой Ручейниковой, которая дожидается меня у дверей кабинета?

– А я предлагаю пойти на компромисс. Штрафанем ее рублей на двадцать, чтобы неповадно было морды бить в присутствии начальства, а вообще-то советую с ней познакомиться поближе. Верная подруга моей Тоньки и весьма оригинальная особа. Никакого внимания к собственной внешности, но в то же время – одна из самых красивых девок в селе. И не замужем, учти, начальник! Правда, где-то жених ошивается, но никто его не видел, и, на мой взгляд, это чисто индивидуальное средство защиты, вроде противогАЗа, от нежелательных

ухажеров.

– Красивая, говоришь, и оригинальная? – усмехнулся Барсуков. – Честно сказать, мне обратное показалось. Весьма дерзкая и неприятная девица... Вздорная и недалекая...

– Ну-ну, – рассмеялся Дробот, – насчет дерзкой полностью согласен, а вот что касается всего остального... Ладно, не журись, Денис Максимыч! Пошли знакомиться! – Он поднялся из-за стола и удрученно вздохнул, кивнув в сторону окна, за которым обиженный Игорь Ярославович что-то весьма нервно выговаривал своему водителю. – Ох, чует мое бедное сердце, на этом не кончится история с мордобитием, попьет нашей кровушки Надымов и когда уж только захлебнется от жадности, кровопивец!

Барсуков промолчал, но одарил своего зама мрачным взглядом и первым вышел из кабинета.

Глава 3

– Нет, Людка, с тобой точно каши не сварить! – Антонина прошлепала босыми ногами по кухне и остановилась напротив подруги, уперев руки в бока. – Ты только посмотри на себя! Разве ты похожа на передовую сельскую интеллигенцию, на представителя науки, наконец? – Она удрученно покачала головой, наблюдая, как Людмила молча раздевается и определяет многострадальный бушлат на вешалку. – Стас только что звонил, на тебя жаловался. Что ты на его нового начальника взъелась? Чего вы с ним не поделили?

– Препротивный товарищ этот новый начальник, грубый и неотесанный мужлан. – Людмила опустилась на табуретку у порога и вытянула ноги все в тех же шерстяных носках с черными от грязи подошвами по направлению к печной дверке.

Антонина с еще большим удивлением уставилась на ее ноги.

– Боже, Людка! Ты почему босиком? Или в милиции тебя разули, чтобы не сбежала, а ты...

– Естественно, сбежала! – Подруга с досадой посмотрела на нее. – Перекусила зубами решетки, на собственных колготках спустилась по отвесной скале и, подстрелив из пальца двух ментов, сумела уйти от погони. Ну что, спрячешь меня на некоторое время от своего злыдня Стаса? А потом в багажнике автомобиля переправишь за границы родной республики, в Минусинск, например, или дальше, в Туву...

– Ох, Людмила, Людмила, – улыбнулась Тонька, – хватит уже зубы заговаривать. Подвигай лучше табурет к столу, я тебя кормить буду. В милиции небось ужином не угостили?

Она засуетилась около плиты, забренчала крышками кастрюль, не переставая корить подругу:

– Сколько раз я тебе говорила, чтобы не связывалась с этим толстым отродьем. Стас говорит, еле отмазал тебя сегодня. Надымов крепко взъярился, даже хотел к прокурору идти жаловаться!

– Брешет он, пугает только, – сказала Людмила устало. – Он меня больше прокурора боится. А с заявлением в милицию потому пришел, чтобы нового начальника прощупать, посмотреть, чем тот дышит...

– И чем же, если не секрет, он дышит? – полюбопытствовала Антонина, подвигая ей тарелку с борщом.

Людмила задумчиво повертела в руках ложку и усмехнулась:

– Скверно он дышит, Тонечка, ох как скверно! Штраф мне надышал. Небольшой, правда, в двадцать рублей всего, но не это самое страшное. Завтра мне со школьной директрисой придется объясняться за пропущенные уроки, а ты знаешь, какие у нас с ней отношения.

– Ладно, ешь пока, а после решать будем, как дальше жить, – вздохнула Тонька и опустилась перед подругой на колени. – Давай носки снимай! А то весь пол мне

затоптала...

Через пару минут Людмила отодвинула от себя пустую тарелку, потянулась к блюду с пирожками и опомнилась лишь тогда, когда и оно опустело. Девушка сконфуженно улыбнулась и развела руками.

– Прости, Тоня! Даже не заметила, как все съела! Наверное, опять без ужина тебя оставила?

– Не беспокойся, я твои таланты знаю, поэтому пирогов и на свою долю, и на Стаськину оставила, – успокоила ее подруга.

– Выходит, я не вовремя! – всполошилась Людмила. – Ты Стаса ждешь?

– Да я его каждый день жду, подруга, – вздохнула Антонина, – но сама знаешь, как часто он заглядывает. Нет мужика, но и Стас тоже не мужик! В кои-то веки забежит, супу похлебает, смотришь, а у него уже глаза закрываются. До постели еле-еле доплетется – и вся любовь! На кой ляд мне такие отношения? Я неделю его выглядываю, машину где увижу, сердце замирает, а он придет, наестся до упора, хорошо еще, если в щечку поцелует, спасибо, дескать, Тонечка, и на боковую. Ни ласки тебе, ни внимания. Поплачу у него под боком, а что толку?

– А может, вам пожениться?

– Чтобы он со мной по обязанности спал? Ну уж нет! Лучше соберусь я как-нибудь с духом да устрою ему от ворот поворот. И замуж выйду, например, за Пашку Ивантеева, по крайней мере, всегда с дровами буду. Давно он меня за себя зовет...

– И ты решишься променять Стаса на эту обезьяну?

– А что мне остается, Людочка? Лучше уж с обезьяной спать, чем с милиционером. У него вся энергия на преступников уходит, а на меня уже ничего не остается. А Ивантеев – он шустрый, так и скачет, так и скачет, как мартышка по веткам, – усмехнулась Антонина и вдруг уткнулась лицом в плечо подруги. – Что толку от красивого мужика, если он ни богу свечка ни черту кочерга... Это сейчас он хоть немного побаивается, что брошу его, где ж еще он

на дурничку брюхо свое будет набивать, а распишемся – совсем обнаглеет, скажет: теперь уж никуда не денется.

– Да-а, дела, как сажа бела! – Людмила погладила подругу по голове. – А мне кажется, зря ты паникуешь, любит он тебя, просто работа у него такая.

– А мне от этого легче? – Антонина подняла голову и сердито сверкнула глазами. – Если появится сегодня, то с ходу вопрос ребром поставлю: или я, или работа его поганая!

– А если он все-таки работу выберет?

– А я, думаешь, сомневаюсь в этом? Она же для него и мать, и жена, и любовница. Мент проклятый! – выругалась Антонина и вытерла кулаком глаза. – Совсем у меня крыша от него поехала! – И разрыдалась окончательно. – Люблю я его, Мила, просто спасу нет, как люблю! Позвонит на работу, жди, мол, вечером, и я тут же все, готова, поплыла от счастья, ничего не вижу, не слышу, через десять минут на часы пялюсь, когда уж можно будет домой бежать, Стаську встречать. А дома тоже покоя нет, под окнами туда-сюда бегаю, все слушаю да выглядываю, не подъедет ли. И хорошо, если, как обещал, вечером придет, а то ведь и под утро завалится, ни рожи ни кожи от усталости, а зачастую бывает, и вообще не явится... – Она махнула рукой и опять обняла Людмилу за плечи. – Совет мой тебе, подружка, никогда не влюбляйся в милиционера, если лишних переживаний не хочешь.

Людмила усмехнулась:

– Вот уж на это точно не надейся! Я Вадика ни на какую милицейскую рожу не променяю, пусть она хоть золотой будет, или серебряной, или такой красивой, как у твоего драгоценного Стаса.

– Ну, это ты зря про рожу-то! – обиделась вдруг Антонина. – Сама знаешь, что сейчас в райотделе ни одного подонка не осталось, с которыми ты прежде воевала. Всех разогнали! Пара алкашей, правда, еще имеется! Но Стас говорит, Барсуков им предложил по собственной инициативе рапорты написать, пока дело до греха не дошло.

– Тоня, а за что его Барсом прозвали? – Людмила налила себе чаю из самовара и взяла из вазочки карамельку. – Шибко крутой, что ли?

– Говорят, что крутой! Стас с ним вместе в Высшей школе милиции в Омске учился, правда, на курс младше, так такие легенды о нем рассказывает!.. Девки за ним табуном бегали, в волейбол, в футбол как бог играл, чемпион по боксу... И опером был классным. – Антонина вздохнула. – Милицейская, как ты говоришь, рожа, а школу и академию с красным дипломом окончил. И звание досрочно по приказу министра получил. В тридцать пять уже подполковник. Это для тебя что-нибудь значит? Голова, выходит, у него соображает?

– Возможно, и соображает, только что ж он после академии и вдруг в нашу дыру согласился поехать? Или успел проштрафиться?

Антонина посмотрела на подругу и, присвистнув от удивления, покрутила пальцем у виска.

– Ты точно не от мира сего, Людка! Вся деревня уже в курсе, почему он сюда приехал.

– Ну, так будь добра, доведи до сведения своей непутевой подруги эти сплетни.

– Это не сплетни, – рассердилась вдруг Антонина. – Говорят, об этом даже в газетах писали. Дениса Барсукова лет пять назад жена бросила и замуж за какого-то банкира выскочила. Сына с собой забрала... А прошлой зимой этого самого банкира в машине вместе с женой и грохнули. Сынишка Дениса Максимовича только по счастливой случайности спасся. Его из машины взрывом выбросило. Тяжелая контузия, перелом ноги, но жив остался. Сейчас он в санатории вместе с дедом, отцом Барсукова. И все бы хорошо, да только не разговаривает мальчонка, то ли контузия на него повлияла, то ли до сих пор от шока прийти в себя не может.

– О господи! – Людмила вздохнула. – Бедный ребенок! Выходит, Барсуков из-за сынишки сюда приехал?

– Ну, наверное, не только из-за него. – Антонина внимательно посмотрела на нее. – Стас по секрету мне сказал, что Барсуков, когда тех поганцев брал, которые взрыв устроили, не слишком благородно с ними обошелся. А поначалу

ему в городе хорошую должность предлагали...

– А сколько мальчику лет?

– Точно не знаю, но вроде лет шесть-семь.

– Маленький совсем! – снова вздохнула Людмила.

Антонина покосилась на нее.

– А теперь скажи, по-честному только, как тебе его папаша показался?

Людмила недовольно поморщилась:

– Опять ты за старое! Я же сказала: весьма неприятный тип. Мрачный, смотрит исподлобья...

Антонина закинула руки за голову и неожиданно громко рассмеялась:

– Мрачный, говоришь? А что ж тогда этот неприятный тип самолично тебя до моего дома довез?

– И до сих пор подобного порыва простить себе не может. Он, похоже, это из элементарной вежливости предложил и, поверь, даже зубами заскрипел от огорчения, когда я взяла вдруг да согласилась!

– Ох и дура ты все-таки, Милка, любые души прекрасные порывы готова осмеять и извратить самым непотребным образом. Потому и шарахаются от тебя мужики, что ты им никакой свободы слова и действия не позволяешь.

– У меня жених есть. – Людмила с неприязнью посмотрела на подругу. – Можешь что угодно по этому поводу думать, но я люблю Вадика и не собираюсь крутить за его спиной сомнительные романы.

– Ну как же, как же, тоже в школе учились и кое-что из классики помним. «Но я другому отдана и буду век ему верна...» Интересно, твой Вадим тоже

посторонних женщин избегает или как? – Антонина с явно преувеличенным интересом заглянула в глаза подружки. – Сколько ему? Тридцать есть уже? Даже тридцать два? И как ты думаешь, он в вашу супружескую постель абсолютным девственником ляжет?

– Антонина! – Подруга грозно посмотрела на нее. – Иногда мне хочется тебя удавить!

– А мне тебя! – не растерялась Тонька. – Такой классный мужик в селе появился, а ты на него ноль внимания, фунт презрения! Да твой Вадик ему и в подметки не годится! Смотри, подруга, брошу я своего криминалиста и вплотную займусь этим Барсуковым. Что-то глаз у меня на него разгорелся!

– Это твое личное дело! – сухо сказала Людмила. – Смотри только, чтобы спираль не перегорела от чрезмерного усердия, а то придется в темноте не глазами сверкать, а тем фонарем отсвечивать, что Стас тебе навесит, когда о твоих новых интересах прознает.

– А ты за меня не бойся! – рассердилась Тонька. – Не хочешь любовь с милицейским начальством крутить – твое дело. Думаю, с этим у него и без тебя не заржавеет. Ко мне в дружину уже десять новых девок записались. Даже Надька из детсада рысью прибежала свой священный долг исполнить, а попутно, если получится, начальника РОВД закадрить. А мне что, пусть пытаются, главное, теперь никаких проблем с дискотеками не будет, вон сколько добровольных помощниц появилось.

– Что ж, этот Барсуков и на дискотеки твои ходит? – ехидно справилась Людмила.

– Естественно! Танцевать не танцует, но время от времени появляется, контролирует ситуацию, общается с народом и тут же проверяет, как милицейский наряд службу несет. Да, к слову, – Тонька посмотрела на часы, озабоченно покачала головой, но тут же перевела взгляд на подружку, – завтра мы с ним как раз по поводу народной дружины встречаемся. Вот уж присмотрюсь я к нему так присмотрюсь! – Она потерла ладони. – Точно не уйдет от меня живым, мамой клянусь!

– Не глупи, Антонина! – нахмурилась Людмила. – На кой ляд он тебе сдался! Со Стасом хотя бы поговорить можно, пошутить, посмеяться...

– А давай я его тебе уступлю. Испытания на разговорчивость он на ура прошел, и в постели, если расшевелишь, тоже очень даже неплох!..

– Дура ты, Тонька! – окончательно рассердилась на нее Людмила. – Все разговоры у тебя об одном и том же. Постыдилась бы!

– Ох, какая совестливая! Какая морально устойчивая! – Тонька сердито стукнула чашкой по столу, отчего остатки остывшего чая выплеснулись на клеенку. – Жди- дожидайся своего Вадима, пока окончательно в старую вешалку не превратишься! А он себе молодую найдет и скажет: прости, мол, дорогая, но я внезапно полюбил другую, а ты со своими несколько поблекшими внешними данными уже не соответствуешь моим возросшим эстетическим потребностям.

– Тоня, дай мне какую-нибудь обувь, и я оставлю тебя в покое, – тихо сказала Людмила и вдруг, отвернувшись от подруги, тихо всхлипнула.

Антонина подошла к ней сзади, обняла и прижала к себе.

– Прости меня, ради бога! Но я ж тебе добра желаю! Что ты, обсевок какой, Людка, чтобы так себя изводить? Красоту свою прятать... Что тебе одеться не во что, кроме этого бушлата? Ну какой мужик обратит на тебя внимание, если ты в подобных брюках мимо него пройдешь? Господи, только про Вадика своего больше ни слова, – замахала она руками, заметив, что Людмила пытается что-то сказать в ответ на ее обличительную тираду, – иначе соберусь с деньгами и найму киллера, чтобы пристрелил наконец, твоего жениха. Может, перестанет тогда из тебя жилы тянуть!

– Тонька! Я тебя ненавижу! – прошептала Людмила, схватила с печки пару подшитых резиной валенок, натянула их на ноги и выскочила за дверь, крикнув на прощанье: – Ноги моей у тебя больше не будет!

– Валенки верни сначала, а потом зарекайся! – крикнула ей вслед Антонина, подошла к ходикам, подтянула гирьку, с досадой посмотрела на циферблат и печально вздохнула. – Сегодня опять не придет, паразит! – Затем вернулась к столу, задумчиво повозила пальцем по желтой чайной лужице, медленно

опустилась на табурет и вдруг легла щекой на клеенку, зарыдала в голос, с причитаниями и подвыванием, как деревенские бабы плачут в минуты безысходного горя, когда уже нет ни малейшего проблеска надежды.

Глава 4

– Тут не иначе как сто шестьдесят пятой пахнет. – Начальник угро положил перед Барсуковым несколько листков бумаги, явно вырванных из школьных тетрадей. – Шесть заявлений от граждан. В августе еще проехали по селам два хмыря из города, закупили мясо у частников, обещали через неделю расплатиться, и вот уже три месяца глаз не кажут. Эти заявления из Арыштаевки, но, насколько нам стало известно, имеется еще не меньше двух десятков потерпевших и по другим деревням.

– Договоры купли-продажи заключались? – Барсуков пробежал глазами одно заявление, другое... – Сколько уж можно попадаться на удочку разных проходимцев-перекупщиков и верить им на слово. Ладно, – прихлопнул он ладонью заявления, – поработайте пока на уровне оперативных мероприятий, проверьте личности этих мошенников, подключите своих оперов, пусть свяжутся с соседями. Вполне вероятно, что эти приятели и у них успели нагадить. Кто у нас за Арыштаевку отвечает? Ты, Безъязыков?

– Я, – востропел тот. – Но мне машину надо, чтобы туда добраться.

– Объединись с Панферовым, он сегодня в Маркелово едет по краже скота, тебя попутно подбросит и на обратном пути заберет. Дня хватит тебе?

Аркаша Безъязыков, с белобрысым коротким чубчиком совсем еще юный младший оперуполномоченный уголовного розыска, тяжело вздохнул.

– Мне еще до Зинки Таманцевой добежать нужно. У нее насос со скважины кто-то свистнул. Нечем воды накачать. А у нее мал мала меньше...

– Хорошо, – почесал Барсуков в затылке ручкой. – Машина все равно раньше двенадцати не пойдет. Так что беги до Зинки. Да, ты ж сегодня прямо с

дежурства? Поспать успел хоть немного? – справился начальник, но Безъязыков махнул рукой.

– Не удалось пока, да я в машине выплюсь!

Подполковник покачал головой, но ничего не сказал. Жалко мальчишку, рвет жилы на работе и, несмотря на чрезвычайно молодой возраст, уже один из лучших оперов в отделе. Но людей не хватает, и приходится закрывать глаза на то, что Аркадий уже сутки не спал, и нужно надеяться только на авось, чтобы не стряслось ничего серьезного и парень сумел бы сегодня хорошенько отоспаться.

Оперативники разбежались по своим делам, после них пришел черед инструктажа водителей ГАИ, потом начальник штаба принес на утверждение план проведения операции «Сигнал» и график оперативного дежурства. Барсуков тщательно проверил все пункты плана, подчеркнул карандашом неуклюжее словосочетание и внимательно посмотрел на начштаба.

– Опять мы с тобой бодаться будем, Василий Борисович? Смотрю, на выходные внештатников оперативными дежурными ставишь? А напортачат опять, кто за это отвечать будет?

– Но Орляк, сами знаете, дочку замуж отдает, Пекарев на операцию ложится... Не могу же я каждый день одного только Савельева ставить на дежурство...

– Конечно, не можешь, значит, проводи более тщательный инструктаж, учи их внимательнее и аккуратнее работать с документами. Да, а почему планы печатаются на серой бумаге?

– Потому что белой мало, но для вас я велел напечатать на белой...

– Вот я-то как раз и обойдусь серой, а те, что на белой, на стенды вывесь...

До обеда он ни разу не встал со своего кресла. Двери кабинета не закрывались ни на секунду, причем почти ничего конкретного из того, что он запланировал на день, пока выполнено не было. Текучка в очередной раз вцепилась в него зубами, наступила на горло благим порывам, а после обеда предстоит провести еще парочку совещаний, принять с десятков граждан по личным вопросам.

Выходит, раньше восьми не уйдешь, но, возможно, это и к лучшему. Возвращаться в гостиничный номер с разохшейся кроватью, колченогим столом и ржавыми потеками на стенах страсть как не хотелось.

Денис посмотрел на часы. Скоро обед, а значит, неизменные две порциипельменей, чай и пара пирожков с картошкой. Надо еще успеть в магазине что-нибудь на ужин купить, а то в холодильнике у него хоть шаром покати...

Он подошел к окну. Со второго этажа хорошо просматривалась центральная сельская улица: серые от непогоды дома, опустевшие, слегка прикрытые снегом черные квадраты огородов, разлохмаченные осенним ветром копны сена и кроны тополей. Из труб змеились сизые дымки, в доме напротив трепыхалось на веревке детское белье. Денис вздохнул, вспомнив вдруг сына. Через неделю Костя и отец появятся здесь, а у него до сих пор не решен вопрос с жильем. Придется опять выяснять отношения с Кубышкиным...

У крыльца остановилась красная «Нива». Из нее вышел Дробот, но в райотдел не поднялся, а, по-видимому, окликнул проходящую мимо молодую женщину, потому что та остановилась и, радостно улыбаясь, поспешила ему навстречу. Барсуков проследил, как незнакомка целует его подчиненного в щеку, тот с явным наслаждением трясет ее ладонь, и оба, счастливо улыбаясь, о чем-то щебечут рядом с открытой дверцей автомобиля.

За спиной подполковника послышались шаги. Он обернулся. Поглощенный созерцанием встречи Дробота с симпатичной гражданкой, он не расслышал, как открылись и закрылись двери за его заместителем по кадрам, спокойным и рассудительным Александром Генриховичем Келлером, немцем по национальности, педантичным порой до невозможности, но отменным исполнителем, в кабинете которого вечно цветут герани, кустится «Ванька мокрый», а в шкафу стоят чайные чашки, расписанные под хохлому, и любой не успевший вовремя поесть опер или следовательно может всегда рассчитывать здесь на домашний пирожок или булочку, которые в изобилии печет Лидия Петровна, жена Келлера и по совместительству повар школьной столовой.

– Смотри-ка, Стас наш в своем репертуаре, – улыбнулся Келлер. – Вместо того чтобы к начальнику с докладом бежать, он ручки дамам целует. А кто ж это такая? – Он снял очки и взгляделся в молодую особу в узких черных брючках и короткой кожаной курточке. – Никак Людмила? Точно она! – Он озадаченно покачал головой. – Я ее и не узнал поначалу.

Барсуков неожиданно для себя судорожно сглотнул. Кажется, он тоже узнал ее. Но женщина, что стояла сейчас внизу и весело болтала с Дроботом, совсем не походила на ту разъяренную и растрепанную особу, что вчера бушевала у него в кабинете по поводу несчастной двадцатки, на которую ее оштрафовали. В какой-то момент он даже пожалел, что пошел на поводу у Стаса и не наказал эту нахалку на более существенную сумму. Вдобавок пришлось подвозить ее до дома, не мог же он позволить, чтобы она шлепала через все село в одних носках, породив массу слухов и домыслов, которых и так слишком много гуляет по району...

- Какая Людмила? - на всякий случай поинтересовался подполковник.

Келлер посмотрел с удивлением, но счел своим долгом объяснить:

- Ручейникова. Та самая, с которой вы вчера воевали.

Барсуков недовольно поморщился. Похоже, уже весь отдел в курсе вчерашних баталий в его кабинете, хотя проходили они в присутствии единственного свидетеля, Стаса Дробота, и за плотно закрытыми дверями.

- Хорошая девушка, - вздохнул за его спиной Александр Генрихович, - но не для Дробота, конечно! Тот со своей Антониной никак разобраться не может! Жениться ему надо, Денис Максимыч, а то окончательно избалуется!

- На его нынешней должности не сильно избалуешься! - усмехнулся Барсуков. - Наша святая обязанность загрузить его работой выше макушки, чтобы излишне по девкам не бегал!

- Да и без девок тоже плохо дело! - улыбнулся Келлер. - Он когда у Антонины переночует, после как на крыльях летает, да и процент раскрываемости прямо на глазах растет.

- Ну ты, Генрихович, и загнул! - рассмеялся Денис. - Выходит, показатель раскрываемости в нашем отделе зависит лишь от постельных побед начальника криминальной милиции? Ты об этом самому Стасу расскажи, представляю, как он воспрянет духом от твоих наблюдений.

– Да я ж пошутил, – сконфузился зам, – просто Антонину жалко! Мается девка, страдает...

– А ты-то откуда знаешь, что страдает? Или тебе в жилетку не только милиционеры плачутся?

– Мы с ней в одном доме живем. И Лидия моя у нее частенько пропадает! Поэтому я и в курсе некоторых событий. Вчера вот Стас не пришел и с Людмилой они поссорились, так что проревела Тонька весь вечер, расстроилась и сегодня точно не в духе, особенно если Стас ей с утра не позвонил. И чует мое сердце, что не позвонил, потому как в девять утра еще уехал на водохранилище. К утопленнику, о котором на планерке дежурный сообщил. А сейчас вон как живенько с Людмилой болтает, про Антонину небось и не вспомнил. А что? Ручейникова девица очень даже симпатичная, когда нормально оденется да причешется, не чета нашим сельским лохудрам, которые тонны краски на физиономии изводят, а толку ни на грош!

Барсуков открыл было рот, чтобы язвительно прокомментировать заключительную часть речи своего достопочтенного зама, но в этот момент женщина подняла глаза, и их взгляды встретились. Денис почувствовал нечто вроде молниеносного удара под коленки, а в кончики пальцев впились тысячи острых иголок, отчего он вздрогнул и испытал странное, совершенно необъяснимое смятение, словно его застали за чем-то неприличным.

Тонкие черные брови слегка приподнялись в удивлении, в больших темных глазах, опущенных густыми ресницами, промелькнула легкая усмешка. Женщина прикусила нижнюю губу, с вызовом посмотрела на начальника районной милиции и склонила голову в едва заметном приветствии.

Денис почувствовал совершенно ненормальное желание спрятаться за широкую спину своего заместителя, хотя то, что он ощутил в себе в данную минуту, совсем не походило на испуг и даже на те крайне отрицательные эмоции, которые он испытал вчера в здании районной администрации и позже в своем кабинете. И не потому, что девица на самом деле оказалась прехорошенькой и совершенно не походила на ту взъерошенную ведьму, которую ему с очевидным трудом пришлось выдворять из кабинета Кубышкина. Он вдруг, независимо от собственного сознания, понял, что откровенно завидует Стасу, так свободно разговаривающему и даже несколько панибратски ведущему себя с женщиной, о которой сам Денис не мог вспоминать без содрогания. Впервые в жизни он

встретил женщину, которая совершенно безбоязненно дерзила ему, не терялась от его взгляда и, без всякого сомнения, обладала более острым и злым языком. Вчера он несколько раз ощущал себя на грани нокаута, да и сейчас оказался весьма близок к подобному состоянию, почувствовав внезапный укол самой что ни на есть настоящей ревности.

Он нахмурился, абсолютно недовольный собственной реакцией на эту бесцеремонную и не слишком воспитанную особу, но при этом вежливо улыбнулся и кивнул ей в ответ. Женщина откровенно насмешливо посмотрела на него и опять перевела взгляд на Стаса, что-то весело ему сказала, потом приподнялась на цыпочки, поцеловала того в щеку и, помахав рукой на прощанье, быстро, не оглядываясь, пошла в сторону центра села.

Через пару минут в кабинет ввалился Дробот. Слегка запыхавшись от стремительного подъема по лестнице, он быстро доложил о ситуации с утопленником. Похоже, парня пару раз ударили по затылку топором или чем-то подобным, а затем уже сбросили в воду. Лицо ему основательно подпортило долгое пребывание в воде. Никаких характерных примет на теле не наблюдалось, кроме, пожалуй, шрама от аппендицита. По ориентировкам о находящихся в розыске или пропавших гражданах подобный субъект не проходил, поэтому наверняка дело темное, если учесть, что в водохранилище впадает никак не меньше сотни речек, которые текут по территории двух республик и юга огромнейшего по площади края. С берега любой из них левое дело отправить убитого в свободное плавание, а теперь ищи-свищи ветра в поле. Очередной неопознанный труп, а значит, убогая могила в дальнем углу кладбища с номером и надписью на фанерке «Неизвестный».

Барсуков, нахмурившись, пробежал глазами протокол осмотра места обнаружения трупа, не очень грамотное его описание, а также протоколы допроса, которые Стас снял с двух местных бомжей, решивших разжиться дровишками для костра и первыми заметивших труп, запутавшийся в корнях дерева, прибитого волной к берегу.

– Ладно, с этим все ясно. – Барсуков закрыл папку. – Но на всякий случай скажи Афимовичу, чтобы еще раз хорошенько осмотрел тело, может, какие-то зацепки появятся.

Афимович был судмедэкспертом, дело свое знал на пять с плюсом и не раз помогал следствию вывести, казалось бы, безнадежное дело из тупика.

– Завтра к вечеру он обещал сделать заключение по результатам вскрытия, но я не думаю, что это прибавит ясности, – поморщился Дробот.

Внезапный резкий звонок по внутренней связи заставил его замолчать.

– Денис Максимович! Евгений Александрович вас требует! – сообщила секретарша.

– Соедини! – Денис выключил кнопку громкой связи.

С первого вздоха главы администрации в трубку Барсуков понял, что тот в ярости. Не поздоровавшись, Кубышкин почти выкрикнул в трубку:

– Какого черта, Барсуков, тебе и твоим ментам государство зарплату платит?

– Не понял? – насторожился Денис. – С каких это пор наша зарплата стала причиной вашего недовольства?

– А с такого! – Кубышкин перешел на более высокие тона. – Пока ты задницу паришь в своем кабинете, главу администрации чуть ли не в заложники берут...

Денис перехватил трубку в другую руку и опять включил громкую связь, кивком головы предложив Дроботу и Келлеру подойти ближе.

Теперь голос Кубышкина грохотал, как пожарный набат:

– ...и кто бы ты думал? Ребятишки из школы!

Дробот привстал со стула, сделал большие глаза и, кивнув в сторону окна, попытался что-то объяснить подполковнику на пальцах.

Денис недовольно покачал головой и движением руки приказал ему сесть.

– Чего они хотят? – спросил жестко Барсуков.

- Совсем ничего, сущие пустяки. Чисто детские требования у наших ребятков, – несколько сбавил тон Кубышкин, – но приемную мою взяли приступом весьма профессионально, насмотрелись западных боевиков, негодяи.
- Что все-таки происходит? – Барсуков протянул руку к стоящему рядом стулу, взял лежащую на нем фуражку и натянул ее на голову.
- Они требуют вернуть в школу их дорогую, драгоценную, любимейшую учительницу Людмилу Алексеевну Ручейникову, которую директор школы имела неосторожность отстранить от преподавания.
- И что, никак нельзя решить эту проблему более мирным путем? – справился учтиво Барсуков.
- Думаешь, ты самый умный? – в свою очередь спросил Кубышкин и нетерпеливо приказал: – Срочно пришли наряд, пусть этих безобразников выдворят из моей приемной. Я через час должен быть на совещании в правительстве, и, если я на него опоздаю, тебя ждут крупные неприятности.
- Сейчас сам буду! – Денис положил трубку и посмотрел на Дробота. – Ты в курсе, за что Ручейникову уволили?
- Формально все по закону, Денис Максимович, а если по совести... – Стас с досадой махнул рукой, поднялся со стула и подтянул вверх «молнию» на куртке. – Я вместе с вами еду, по дороге постараюсь все изложить в деталях...

На крыльце и на первом этаже здания администрации толпились учителя, ученики младших классов и несколько зевак из бабок, торгующих сигаретами и семечками около сельского универсама.

Ребятня с криками и свистом окружила две милицейские машины. Денис приказал начальнику МОБ Кондратьеву навести порядок на нижнем этаже, а сам в сопровождении Дробота и пяти сотрудников поднялся на второй этаж.

С пылкостью юной возлюбленной навстречу ему бросилась директор школы Полина Романовна Колыванова.

– Денис Максимович! Прекратите это безобразие! – Она схватилась за сердце. – Оба одиннадцатых класса там... в кабинете у Евгения Александровича!

Денис окинул ее взглядом и, не проронив слова, направился в приемную. Колыванова засеменила следом.

Дробот придержал ее за плечо и тихо попросил:

– Притормозите, пожалуйста, Полина Романовна. Наши сотрудники обойдутся без вашей помощи.

– Но там же дети! – Колыванова заломила руки. – Надеюсь, их не будут бить?

– Смею вас заверить, – усмехнулся майор, – бить кому-либо морду в нашу задачу не входит, а обеспечить порядок – наша прямая обязанность.

– Станислав Васильевич! – Колыванова ухватила за его рукав. – Но я ведь ни в чем не виновата. Ручейникова постоянно играет с ними в демократию, вот и доигралась!

– Так вы ее за игры в демократию уволили? – поинтересовался, не поворачивая головы, Барсуков и толкнул дверь в приемную.

Не только на стульях, но и на подоконнике, и прямо на полу сидели десятка три мальчишек и девчонок, которые при появлении подполковника и сопровождавших его милиционеров поднялись на ноги.

– Что тут происходит, ребята? – Денис снял фуражку и пригладил рукой густой темно-русый ежик волос. – По какому праву вы заняли приемную главы администрации и мешаете ему нормально работать? – Он окинул школьников внимательным взглядом. – Предлагаю вам вернуться в школу и обещаю, что мы рассмотрим ваши требования и решим вопрос по справедливости.

– В вашу справедливость мы как раз и не верим. – Из-за спин одноклассников выдвинулась худенькая рыжеволосая девочка, и Денис сразу же узнал ее. Это она плакала вчера над убитым лебедем.

Девочка нервно сглотнула, поднесла руки к груди, но тем не менее продолжала твердо и решительно:

– Мы требуем, чтобы немедленно восстановили на работе Людмилу Алексеевну. Мы не уйдем отсюда, пока ее не вернут в школу. Мы передали наши требования Евгению Александровичу, а он только посмеялся над нами и велел Полине Романовне вызвать наших родителей в школу и разобраться с зачинщиками.

– Ваша Людмила Алексеевна не имеет педагогического образования, – вылезла из-за спины Стаса Колыванова. – Сейчас мы нашли педагога и, естественно, предложили Ручейниковой уволиться.

– Мне неудобно, Полина Романовна, уличать вас во лжи, – девочка склонила голову и исподлобья посмотрела на директрису, – но мы знаем, по какой причине вы уволили Людмилу Алексеевну.

– Светлана! – ахнула Колыванова. – Тебе же экзамены сдавать...

– А вы не пугайте нас экзаменами, – встал рядом с девочкой высокий паренек. – Размахиваете ими, как дубинкой, хотя прекрасно понимаете, что районо не позволит вам завалить кого-либо из выпускников. Но я лично готов пожертвовать золотой медалью, чтобы Людмилу Алексеевну вернули в школу.

Ребята загалдели, зашумели, обступили милиционеров плотным кольцом, но Светлана подняла руку, и шум мгновенно стих. Девочка сделала шаг вперед, подошла вплотную к подполковнику. Теперь ей пришлось слегка закинуть голову, чтобы видеть его лицо, а он неожиданно для себя отметил, что у нее поразительного цвета глаза, ярко-зеленые со странно смотрящимися черными пятнами зрачков.

– Денис Максимович! Мы считаем, что именно вы стали причиной того, что Полина Романовна решила уволить Людмилу Алексеевну. Если бы вы не задержали ее вчера или хотя бы не оштрафовали, Полине Романовне не к чему было бы придрататься, а так мы знаем, что она давно повод ищет...

– Как ты смеешь, Светлана, – вскрикнула Колыванова, – повторять этот вздор, да еще в присутствии милиции!

– Погодите, Полина Романовна! – довольно неучтиво прервал ее Дробот. – Мы вам еще дадим слово.

Директриса побагровела, но отошла в сторону и, присев на освободившийся стул, принялась со стороны наблюдать за развитием событий.

Светлана перевела дух, окинула взглядом обступивших ее одноклассников и продолжала:

– Полина Романовна давно сердится на Людмилу Алексеевну. В прошлом году по весне опергруппа заповедника поймала ее мужа и сына на браконьерстве. Все село знает, какой они штраф заплатили, и во многом благодаря тому, что Людмила Алексеевна на этом настояла.

– Светлана, я прошу тебя не возводить на меня клевету. Предупреждаю, это может плохо для тебя кончиться! – с явной угрозой в голосе произнесла Колыванова, но, заметив пристальный взгляд подполковника, отвернулась и сделала вид, что сморкается в носовой платочек.

Девочка, даже не повернув головы в сторону школьной начальницы, произнесла весьма язвительно:

– А как тогда объяснить, что шесть лет до этого вы не могли нахвалиться Людмилой Алексеевной, или она в последнее время стала хуже работать?

– Вчера ваша дорогая Людмила Алексеевна сорвала пять уроков биологии. И, посудите сами, разве может называться педагогом человек, оштрафованный за хулиганство? Кроме того, я повторяю это уже в двадцатый раз, мы нашли человека с педагогическим образованием.

– Что ж вы раньше его не находили? – с изрядной порцией яда в голосе справился черноглазый паренек, решивший пожертвовать золотой медалью.

– Его и искать не требовалось! Всю жизнь в библиотеке работает! – выкрикнул девичий голосок из толпы школьников.

– Вы, Полина Романовна, кого угодно готовы взять, даже тех, кто в школе никогда не работал, лишь бы от Людмилы Алексеевны избавиться! – поддержал ее паренек с низким, по-мальчишески срывающимся баском. – Библиотекарша подорожник от крапивы отличить не может, зато будет малышей ботанике учить...

– Ну, все! – прекратил базар подполковник. – Теперь я вчерне знаком с вашими требованиями. А сейчас прошу остаться тех, кому вы доверите провести переговоры со школьной администрацией в присутствии, допустим, меня и Евгения Александровича.

Ребята столпились вокруг Светланы, сомкнули головы, зашептались. Барсуков окинул взглядом собравшихся. Долговязого светловолосого парня, брата Ручейниковой, в приемной не наблюдалось.

Он подошел к дверям, ведущим в кабинет Кубышкина, нажал на ручку. Дверь не поддалась.

Из-за детских спин вынырнула Верунчик и угрюмо пояснила:

– Я его заперла, чтобы эта банда туда не ворвалась!

Барсуков и Дробот переглянулись. Стас молча протянул руку, взял ключи и передал подполковнику.

Светлана и ее черноглазый одноклассник подошли к Барсукову.

– Мы идем с вами, Денис Максимович! – Девочка с вызовом посмотрела на него и добавила: – Мы надеемся на вашу порядочность и справедливость, но, если вы не поможете, завтра мы поедем в город, в Министерство образования.

– Что ж, постараюсь оправдать ваше доверие в меру своих сил и возможностей, – слегка улыбнулся Денис и открыл ключом дверь в кабинет Кубышкина.

Разъяренный хозяин района вырос на пороге. Барсуков мягко подтолкнул его в глубь кабинета и бросил через плечо:

– Полина Романовна, поспешите, пожалуйста! Давайте постараемся обсудить сложившееся положение, пока Евгений Александрович не уехал на совещание.

– Я уже пригласил заведующего отделом образования. – Кубышкин прошел к своему столу и сел в глубокое кожаное кресло. – Надеюсь, Полина Романовна, он даст должную оценку всем этим событиям.

– Я требую, чтобы данный вопрос обсуждался без детей. – Колыванова нервно тискала в руках платок, лицо ее пошло красными пятнами, и она слегка дрожащими пальцами оттянула от шеи высокий ворот связанного из ангорки свитера.

– Мы не уйдем из кабинета, пока вы не выслушаете нас, Евгений Александрович! – Света шагнула из-за спины Барсукова. Но он придержал ее за руку.

– Никто не собирается вас выгонять, – сказал он спокойно и показал на стулья, стоящие у стены. – Присядьте пока. – И опустился на стул рядом с детьми.

Колыванова смерила его недовольным взглядом, дернула сердито плечом, прошла и демонстративно села напротив.

Барсуков склонился к Светлане и спросил:

– А приятель твой где же? Он что, не поддерживает вас?

– Славка, что ли? – Девочка вздохнула. – Поддерживает, но он брат Людмилы Алексеевны, и мы решили, что он не должен идти с нами. – И добавила еще тише: – Чтобы Полина нас потом не обвинила, что мы пошли на поводу его личных интересов. Она и так на него все время бочку катит. Это он тогда по весне ее сына и мужа первым обнаружил прямо на месте преступления, за разделкой марала.

Дверь кабинета распахнулась. Через порог перешагнул заведующий районо Ерахтин и, оглядев из-под очков собравшихся, прошептал, слегка выпятив круглый животик, через весь кабинет и сел рядом с Колывановой.

Кубышкин прошелся по всей компании тяжелым взглядом и предложил:

– Не будем тянуть время! – И посмотрел на Светлану. – Ну, кто из вас, террористов, первым будет говорить?

Глава 5

Людмила смела веником снег с валенок, стряхнула его с воротника полушубка и с ушанки. Оглядела двор и озадаченно покачала головой. Недавно выпавший снег был утоптан множеством ног. Выходит, дома опять аншлаг, и, как всегда, негде ногу поставить. Вероятно, ребята празднуют победу, которую одержали в сегодняшней схватке со зловредной директрисой Колывановой.

Она вздохнула и усмехнулась. Она была из тех людей, которые всегда усмеваются, если что-то их особо раздражает, и особенно улыбки при очередной подножке, подставленной им судьбой. Чем больше внешних раздражителей и неприятностей, тем чаще и язвительнее Людмила усмехалась. Чем сильнее она злилась, тем шире становилась ее улыбка.

Над сараем, который отделял двор от огорода, розовым покрывалом на бледно-сиреневом фоне закатного неба разлеглась вечерняя заря. Солнце только что спустилось за темную громаду горы Хан-Тегир, нависшей над селом своей трехглавой вершиной, словно орел над добычей. В складках горы уже угнездилась холодная ноябрьская ночь, и лишь укрытые глубоким снегом макушки все еще сияли отраженным солнечным светом.

Она вошла в дом и замерла на пороге. Похоже, сегодня здесь собрались не просто одноклассники брата, но и добрая половина школы. По крайней мере, она успела разглядеть нескольких шестиклассников, у которых вела географию. Убрал с пола ковер и сдвинув в углы немудреную мебель, вся эта шатия-братия разместилась вокруг огромного двухведерного самовара чуть ли не столетнего возраста с медалями на латунных боках и с крупной, выведенной старинной вязью надписью «Златоусть».

Людмила обвела взглядом притихших при ее появлении мальчишек и девчонок. Кажется, посуду для совместного чаепития собирали со всех окрестностей, но и то ее не хватило, поэтому кто-то довольствовался стеклянными банками, кто-то эмалированными кружками, а два ближайших приятеля Славки, Артем и Димка, вместе с ее непутевым братцем делили на троих небольших размеров глиняную крынку, в которой она обычно топила молоко.

– Та-а-ак! – протянула Людмила задумчиво. Повесив на вешалку полушубок и определив поверх него ушанку, она присела на низкую скамеечку у входа, сняла валенки и надела на ноги мягкие замшевые тапочки, отороченные оленьим мехом, и только тогда спросила: – По какому случаю сабантуй?

– По случаю вашего восстановления на работе, Людмила Алексеевна! – Артем торжествующим жестом взметнул вверх руку с зажатой в ней крынкой. – Виват виктория! Виват победа!

Людмила улыбнулась и покачала головой:

– Хулиганы! Не успела я обрадоваться, что сбросила с плеч эту обузу, как вы тут как тут со своей инициативой! Ну что мне теперь делать? На завтра я запланировала поездку на кордон Туртагеш, а теперь все мои планы по вашей милости летят насмарку!

– Не сердитесь, Людмила Алексеевна! – сказала тихо Светка и виновато понурила голову. – Простите, что не предупредили вас! Но мы старались сделать лучше, и потом, мы совсем не хотим, чтобы уроки биологии у нас вела библиотекарь, которая сроду в школе не работала.

– Заврайоно так нам прямо и сказал, что приказ о вашем увольнении недействителен. – Артем поставил крынку на пол рядом с собой и поднялся на ноги. – Мы ведь знаем, что вы только для порядка на нас ворчите, а на самом деле рады не меньше нас, что в школу возвращаетесь. Но вы не бойтесь, мы уже не избалуемся, вышли из этого возраста, а некоторым соплякам, – он шлепнул по затылку некстати вынырнувшего из-под его руки шестиклассника и весело сверкнул черными глазами, – живо избиение младенцев устроим с отрыванием голов и выдергиванием конечностей, если успеваемость вздумают понизить по биологии или географии!

– Ребята, я очень вам благодарна, но, вероятно, не следовало применять столь неординарные меры. Ведь не каждый рассуждает так же, как вы, назавтра в поселке многие будут судачить, что это я вас настроила. Кроме того, я боюсь, что для вас это не пройдет бесследно, всем вам сдавать физику у Полины Романовны...

– Ничего она нам не сделает! – Димка тряхнул лохматой головой. – Денис Максимович за нас, и Евгений Александрович тоже во всем, кажется, разобрался и поддержал наши требования.

– Ну, хорошо. – Людмила обвела взглядом притихших ребят и улыбнулась: – Спасибо вам, братцы! Честно сказать, я ни на чью поддержку не рассчитывала, тем более, – подмигнула она озорно своим повеселевшим ученикам, – как вы говорите, Дениса Максимовича и Евгения Александровича.

– А ментовский начальник – во мужик! – выставил вверх большой палец Артем. – Четко и быстро так во всем разобрался и Колывановой тоже популярно объяснил, в чем она заблуждается. Кубышкин да Ерахтин только головами кивали. А потом до школы нас со Светкой довез и все расспрашивал, как наш экологический патруль действует, – оказывается, он в детстве тоже в зеленом патруле был.

– Ну и хорошо, – усмехнулась Людмила, – придется его теперь в почетные члены нашего клуба принимать, за особые заслуги, естественно.

– А он на Светку запал, потому и до школы вас довез! – ехидно пропел вдруг девчоночий голос, и Людмила заметила, как полыхнули яростью глаза ее до сих пор молчавшего брата. Но его подружка и сама была не промах и постоять за себя умела не хуже парня.

– Ты, Нинка, хоть и подруга мне, но мозги у тебя куриные. – Она брезгливо скривилась в сторону ехидной приятельницы и добавила: – Денис Максимович старый уже, почти в отцы мне годится.

– Ладно, хватит выяснять отношения! – прекратила разгорающуюся ссору Людмила. – Ночь на дворе, и у меня закралось подозрение, что ни у кого из вас уроки до сих пор не сделаны. Я, конечно, понимаю, триумф победителей и все такое, но зачем же его завтрашними двойками омрачать?

– На всех двоек все равно не хватит! – философски заметил Артем, но тем не менее приказал: – Давай по домам, ребята! Людмиле Алексеевне отдохнуть надо!

Ребята принялись разбирать сваленные в кучу пальто, шубейки, куртки, быстро одевались, натягивали ботинки, сапоги и, пробормотав: «До свидания, Людмила Алексеевна!», а то и просто кивнув головой на прощанье, потянулись гуськом к выходу. Остались только Светлана, Димка и Артем.

– Вы, Людмила Алексеевна, не расстраивайтесь, что мы тут натоптали! – засуетилась Светлана. – Идите в свою комнату, а мы здесь приберемся, я ужин приготовлю. Отдыхайте пока! – И не успела Людмила возразить, приказала Славке и двум его приятелям: – Ты, Артемка, быстренько садись картошку чистить, а ты, Вячеслав, и ты, Дмитрий, скоренько тряпки в руки – и полы мыть.

Людмила прошла в свою комнату, включила свет. Согнала с покрывала кошку Мавру и двух ее котят, которые ни в какую не желали обживать предназначенную для них корзину и ежедневно перекочевывали с помощью заботливой мамы на кровать хозяйки. Сняла брюки, теплый свитер, переделась в длинную юбку и светлую футболку, подошла к зеркалу и присела на стул рядом с ним. Интересно, когда она в последний раз столь пристально разглядывала себя в зеркало? Она запустила пальцы в волосы, слегка взлохматила их. Возможно, не следовало стричься слишком коротко. С такой прической она похожа на мальчишку-подростка с первыми, но еще почти незаметными морщинками вокруг глаз. Она приблизила лицо к зеркалу и вгляделась пристальнее. Нет, если не знаешь, то не заметишь! Но вот само лицо... Целый день провела на улице, а прежде нелюбимый ею румянец так и не проявился. И щеки излишне впалые, и губы шелушатся, потому что она постоянно забывает пользоваться помадой.

За спиной послышался шорох. Людмила повернулась и застала негодницу Мавру на месте преступления. Слепой еще котенок беспомощно болтался у нее в зубах, а второй снова ползал по покрывалу.

– Ну и пакостная же ты кошка, Мавра! Прикажешь мне в корзинке спать вместо твоих котят? – Она вновь переложила котят в корзину и пододвинула ее поближе к обогревателю. Мавра, мурлыча, потерлась головой о ее руку и вдруг, подняв

хвост, резво помчалась на кухню.

Людмила слегка приоткрыла дверь. На плите в большой чугунной сковороде жарилось мясо, в эмалированной кастрюле варилась картошка, а Светлана, как заправская хозяйка, раскладывала по тарелкам квашеную капусту, соленые огурцы и помидоры. Заметив Людмилу, улыбнулась:

- Минуть десять еще погодите, Людмила Алексеевна! Я пока хлеба нарежу!

- А мальчишки где? - поинтересовалась Людмила.

- Телевизор смотрят. Спортивные новости.

- Что ж они тебе не помогают?

- Да ну их! - махнула рукой девочка. - Шуму и суеты много, а толку никакого! Слава богу, полы помыли да дров принесли. - Она заглянула в подпечье. - Теперь вам должно на утро хватить. Да, - Света искоса посмотрела на Людмилу, - я велела Славке еще до вашего прихода баню протопить на всякий случай, так что можете быстренько ополоснуться, пока ужин поспевает. Не должна еще баня остыть, как я думаю!

Людмила вышла из своей комнаты, обняла девочку за плечи, прижала к себе:

- Ох, Света, Света! Что бы мы со Славкой без тебя делали?

- А Славке это все до фонаря, Людмила Алексеевна! - тихо сказала девочка и вдруг уткнулась в ее плечо лбом и тихо всхлипнула. - Только и разговоров у него про город да как в институте учиться будет! А про меня и речи нет!

- А ты так и не надумала в институт поступать!

- Ну куда мне, Людмила Алексеевна? - Девочка подняла голову, шмыгнула носом и бросилась к плите, чтобы снять крышку с кастрюли, в которой кипящая вода переплескивалась через край. Попробовала вилкой на готовность картошку, слила воду и, только взяв в руки толкушку, проговорила: - Сами знаете, что мамка без меня окончательно сопьется и помрет. Тут я хоть вместо нее пенсию

получаю да на улицу не выпускаю, когда у нее запои, а так кому она нужна? – Она тяжело вздохнула. – Буду в селе работать и, если получится, на заочный в юридический пойду. Мне пообещали, что секретарем в суд меня возьмут... Конечно, рано еще загадывать, всякое может случиться...

– Но Слава сказал, что вы вместе надумали в Красноярске поступать!

– Думали, да передумали, Людмила Алексеевна! Куда уж мне! Пусть уж с Димкой да Артемом едет. Ему с ними интереснее.

– Ну, ты прямо совсем уж в безнадёгу какую-то впала. – Людмила села на табурет рядом с кухонным столом, наблюдая с веселым удивлением, как ловко подружка брата управляется с картошкой: толчет ее, добавляет кипяченого молока, масло. – Я думала, у меня невестка будет веселая да жизнерадостная, Славку поможет мне приструнить...

– А кто его знает. – Девочка исподлобья глянула на нее. – Может, такая вам и попадется. Городские ведь они шустрые, пронырливые, быстро вашего братца к рукам приберут!

– Света, – Людмила взяла ее за руку и притянула к себе, – а ну-ка, посмотри мне в глаза и объясни, какая кошка между вами пробежала?

– Да что тут объяснять? И так все понятно! – Девочка отвела глаза в сторону, закусил губу, с трудом сдерживая слезы. – Его ж сразу в оборот возьмут. Это здесь меня девки побаиваются, не шибко пристают, а там – полная свобода действий и выбора! Парень он видный, спортсмен, а ударник какой классный! Что ж, думаете, без внимания останется? А мне куда уж с городскими тягаться? Они и одеваются вон как, и на язык резвые, и в театры ходят, и косметики всякой у них навалом!.. – Она шмыгнула носом, провела ладонью по глазам и улыбнулась. – Да ладно, Людмила Алексеевна, не обращайтесь на меня внимания. Я...

Договорить она не успела. На крыльце кто-то громко затопал ногами, сбивая снег, и через несколько минут на пороге возникла Антонина в новой беличьей шубке и шапке из белого песка.

– Привет честной компании! – Она весело оглядела накрытый стол и потерла ладони. – Я как чуяла, когда сюда спешила, что здесь не иначе как пир горой затевается по случаю победы над супостатом! – Она достала из сумки бутылку шампанского и приказала Светлане: – А ну-ка, Светка, тащи бокалы! Будем шампанское пить, чтобы вашей директрисе икалось при этом!

– Тоня, ты немного выражения выбирай, у детей и так постоянные трения с Кольвановой, – укорила ее Людмила, когда Светка, выполняя приказ Антонины, скрылась в комнате.

– У этих детей скоро свои дети появятся, и заметь – гораздо быстрее, чем у нас с тобой, – расхохоталась подруга и вдруг, склонившись к Людмиле, прошептала, как опытный заговорщик: – Как и обещала, разглядела я сегодня нашего легендарного Барса со всех сторон, от макушки до пяток, и скажу тебе... – Она осеклась. Мальчишки и Света показались в дверях кухни, и Антонина тут же переключилась на них: – А ну, паршивцы, живо за стол! Будем вашу победу праздновать! Уже вся деревня об этом гудит. Сегодня репетиция хора ветеранов из-за этого чуть не сорвалась. Вы и представить себе не можете, с каким восторгом бабули мыли-перемывали кости вашей директрисе, врагу такого не пожелаешь! Говорят, совсем детей, то есть вас, до ручки довела!

– Антонина! – произнесла угрожающе подруга, и та, прикрыв рот ладонью, зачастила: – Молчу, молчу! Мамой клянусь, больше никаких антипедагогических разговоров!

Ребята, сделав по несколько глотков шампанского, быстро управились с картошкой и жареным мясом и заспешили домой. Славка ушел провожать Светлану, и подруги наконец остались одни.

Антонина вновь налила в бокалы шампанское, посмотрела сквозь него на свет и задумчиво сказала:

– Сдаем мы с тобой позиции, Мила, медленно, но верно сдаем. Еще годик-другой, и останемся, старые мы вешалки, у разбитого корыта.

– Откуда вдруг такой пессимизм, Тонечка? – усмехнулась Людмила. – Или опять со Стасом не лады?

– Лады, не лады... Какая разница, если в селе девки как грибы подрастают и все одна другой краше. – Она быстро, как водку, выпила шампанское и отставила бокал в сторону. – Собрала я сегодня свою боевую дружину, подруга, да лучше бы и не собирала. Пришли они на встречу с Барсуковым, вырядившись да накрасившись, словно на отборочный тур конкурса красоты. А в первом ряду самые нахальные устроились, нога на ногу, сапоги на высоких каблуках, юбки чуть ли не до пупка задраны. Мы на сцене с Кондратьевым и с этим Барсуковым за столом сидели. Так я со стыда чуть не умерла. Всех бы поубивала, будь моя воля! – Она подцепила на вилку кусочек мяса, задумчиво оглядела его со всех сторон, намазала горчицей и отправила в рот. – Ух и крепкая же, стерва! – Она быстро задышала открытым ртом, потом через силу выговорила: – Этой бы горчицей да моим дружинницам одно место намазать, чтобы неповадно было этим самым местом перед начальством крутить. Барсуков, когда закончил о целях и задачах народной дружины рассказывать, позволил себе вопросы задавать. Что тут началось! Я уже покаялась, что девок на эту встречу пригласила, вполне бы одних мужиков хватило. Сама знаешь, у нас их больше десятка, и люди все семейные, серьезные, а эти заразы им и рта не дали раскрыть. И Барсукова, похоже, достали до невозможности. Ни одного вопроса по делу не задали, все больше им самим интересовались, какие книги читает, какие фильмы любит, как свободное время проводит... Ну прямо «Любовь с первого взгляда», а не собрание добровольной народной дружины.

– И что же он, отвечал? – поинтересовалась Людмила. Она отодвинула от себя пустую тарелку. С одной стороны, ей и хотелось услышать продолжение рассказа Антонины, и в то же время она почувствовала нечто похожее на легкий озноб. Сходное ощущение она испытала, когда заметила устремленный на себя из окна мужской взгляд. Впервые в жизни она пережила подобное смятение и с трудом сдержалась, чтобы не отвести глаза первой. Как и тогда, она ощутила легкое подрагивание кончиков пальцев и странный холодок где-то в области сердца.

– Конечно, отвечал вежливо и корректно, но так, что девицы вмиг потеряли интерес к его личной и служебной жизни и разошлись по домам морально и сексуально неудовлетворенные. А Барсуков потом в дуэте с Кондратьевым еще с полчаса нотацию мне читал, дескать, несерьезно я подхожу к подбору кадров, и что народная дружина не ярмарка невест, а их самих демонстрацией голых коленок не удивишь, и что план выходов на дежурство в декабре до сих пор не составлен, и что рейдов совместных с оперативной группой заповедника не планируем, и что стенд никак не оформлю... В общем, долбили они меня, долбили, пока я окончательно не разозлилась. – Антонина подцепила вилкой

очередной кусок мяса и отправила его в рот. – Словом, разжевала я их, как хотела, и выплюнула. Долго будут помнить, как с Антониной Веденеевой связываться. – Она отхлебнула чай из стоящей рядом большой фаянсовой кружки и весело подмигнула подруге. – Что я, нанималась их долбаной дружиной руководить? В рейдах, видите ли, им надо, чтобы мы участвовали. Да моя дружина потому и дружинит, что бесплатно в кино и на дискотеки пускаю. Хотела бы я полюбоваться на того героя, кто из одних идейных убеждений на дежурство придет! Раньше хоть три дня к отпуску давали, премировали, грамоты принародно вручали... А сейчас никто за просто так работать не будет, ради идеи никто грудью на амбразуру не ляжет. – Она отложила вилку в сторону и вдруг уткнулась лицом в ладони и расхохоталась. – Представляю, как Надька Портновская из детсада в ваш «уазик» садится. Оперативница, мать твою!.. Он же по самую крышу в снег уйдет, как та подводная лодка!

– Что ты на Надьку взъелась? Или она тебе дорогу перебежала?

– Не перебежала, так перебежит! Она меня на пять лет младше, и девка в самом соку, а не суповой набор, как мы с тобой, подруга! Сегодня Надька больше всех перед Барсуковым выпендривалась, а Лизка, продавщица, давеча рассказывала, как она в магазине Стаса обихаживала, и представь себе, ушли они вместе, и эта стерва висела на его руке, как та шишка на родном кедре. Да и он, если Лизка не врет, конечно, был тому обстоятельству очень рад и улыбался, подлец, на все тридцать два зуба. Вот и думаю я сейчас, что в первую очередь сделать: то ли Стаське зубы проредить, то ли этой лахудре кудри расчесать!

В сенях стукнула дверь, и на кухню ввалился Славка, с ног до головы облепленный снегом.

– Ой, мамочка милая! – всплеснула руками Антонина. – Тебя что, в снегу катали? Или снеговика лепили?

– Убирайся сейчас же в сени! – прикрикнула на брата Людмила. – Снега натащил, нет чтобы на крыльце его обмести!

– Ты посмотри, что на улице творится! – огрызнулся Славка, но из кухни вышел. Некоторое время из сеней доносилось его недовольное ворчание и резкие хлопки: Славка сбивал снег с полушубка.

Людмила подошла к окну и выглянула на улицу. Там всюду крутила метель. Сплошная стена снега укрыла от взгляда деревья, дома на противоположной стороне улицы, даже забор из штакетника, окружающий палисадник, утонул в этой чудовищной круговерти, затеянной неожиданно налетевшим на село ветром.

– Ну и ну! – протянула за ее спиной Антонина и добавила: – Придется мне сегодня у вас ночевать, братцы-кролики. И еще неизвестно, как завтра до работы добираться, похоже, пурга не на один день. А ты как считаешь, Вячеслав? – обратилась она к Славке, который только что вернулся на кухню.

Тот взял со стола крынку с молоком, сделал несколько глотков, вытер белые молочные усы и весьма резонно заметил:

– Барометр падает, так что точно дня на три зарядит, если не больше! – С крынкой и куском хлеба он устроился на скамеечке у открытой духовки. – Бр-р! Промерз насквозь! Хлопотное, оказывается, дело, милые дамы, девчонок до дома провожать!

– Ну ты и поросенок, Славка, – протянула удивленно Антонина. – В наше время парни за честь считали девчонку проводить, а если уж она себя поцеловать позволит...

Славка пожал плечами и вновь отхлебнул из крынки.

– В ваше время, Антонина свет Сергеевна, и парни другие были, а девчонки тем более...

– Ишь ты, «ваше время»! – передразнила его Антонина. – Ты что ж, совсем нас за старух держишь?

– Ну-у-у! Для Станислава Васильевича вы, наверно, не совсем старуха, а для меня...

– Ах ты, негодяй! – рассмеялась Антонина и попыталась схватить Славку за ухо, но тут непонятный глухой удар за стеной заставил всех насторожиться. С лета никто во второй половине дома не проживал. И этот звук был более чем странен!

– Там кто-то есть! – прошептала Антонина и боязливо оглянулась на окна. – Привидения!

– Скелеты ожившие! – зловеще прошипел Славка. – В окровавленных саванах! Со свечой в костлявых пальцах!

– Слава, прекрати сейчас же! – прикрикнула на него Людмила и прислушалась. – Там определенно кто-то есть! Слышите, вроде шаги и, кажется, что-то передвигают!

– А я что говорю! – Славка допил молоко и поднялся со скамеечки. – Я когда домой возвращался, вдоль ограды шел, чтобы с дороги не сбиться, так еще внимание обратил – вроде в окне огонек светится.

– Ой, кто это? – Антонина всплеснула руками. – А если это беглые какие с зоны забрались? В такую пургу далеко не уйдешь!

– Да какие еще беглые? – отмахнулась от нее Людмила. – Вернее всего, бичи местные. Прознали, что квартира пустует. Не дай бог напьются и пожар устроят. Надо бы, Слава, проверить, кто там ночевать устроился.

– Я вас никуда не отпущу! – Антонина подошла к телефону. – Сейчас милицию вызову, пусть подъедут и проверят.

– А если там никого нет, может, это просто кошки хороводы водят? Представляешь, что нам менты скажут, когда по такой свистопляске впустую машину сгоняют!

– Не облезут! – проворчала Антонина, но от телефона отошла. – Эти кошки не иначе размером со слона или бегемота, слышь, как копытами стучат.

– Слава, неси мой карабин, а сам возьми «Рысь». Пойдем проверим на всякий случай, кто там шарится! – приказала брату Людмила и посмотрела на Антонину. – А ты сиди дома, чтобы под ногами не путалась. Если что, вызывай милицию!

– Ну уж нет, подруга! – сказала решительно Антонина и подошла к вешалке. – Как в жилетку поплакаться или десятку занять, так все: «Антонина, Антонина!..» А как подвиг совершить, сразу же: «Отойди в сторону!» Не дождетесь, дамы-господа, я тоже хочу, чтобы мое имя куда-нибудь золотыми буквами вписали...

Глава 6

Сначала они никак не могли выйти наружу. Порывы ветра были настолько сильными, что стоило им немного налечь на дверь и попытаться протиснуться в образовавшуюся щель, как тут же мощный снежный заряд обрушивался на дом. Двери словно припечатывало чьей-то богатырской ладонью, и в одну из таких попыток Антонине весьма ощутимо прищемило пальцы. Прошипев от боли ругательство, она принялась дуть на пальцы, успевая поносить на чем свет стоит так некстати разразившуюся пургу и неизвестного злоумышленника, вздумавшего залезть в соседнюю квартиру.

Людмила и Славка попытались вдвоем справиться с дверью, но сошедшая с ума стихия еще пару раз свела на нет их усилия, пока Славка не догадался вставить в образовавшуюся щель деревянный ящик, в котором они обычно держали соленое свиное сало.

Но борьба с дверью оказалась не самым страшным испытанием. На улице творилось что-то совсем уж невероятное! Снег, гонимый бурей, кружился вихрями и лип, как пластырь, к лицу и одежде. Все вокруг уже на расстоянии десятка шагов тонуло в непроницаемой темноте. Вьюга не позволяла двигаться прямо, а особо резкие порывы ветра, колотившие в грудь сильнее профессионального боксера, то и дело заставляли отступать назад, сбиваться с шага, падать на колени, а то и на бок. Ветер старался прижать их к земле, и стоило на мгновение остановиться, как он тут же кидался в атаку, забрасывал снегом, проникал под одежду...

До забора, разделяющего двор на две половины, было не более десятка метров, но добирались они до него, казалось, целую вечность. Потом, опять же целую вечность, пытались перебраться через сам забор, причем Славка умудрился зацепиться полушубком за гвоздь и только по счастливой случайности не вырвал из него приличный клочок.

Пока Антонина освобождала Славу из ловушки, Людмила прокралась к окну и заглянула в него. Все стекло было забито снегом, обросло куржаком, так как окна никто и не собирался утеплять на зиму. Но пушистая бахрама инея указывала и на то, что из оконных щелей на улицу пробивался теплый воздух, а это означало одно: в доме топится печь и есть люди, которые эту печь затопили. Она встала на завалинку, сняла рукавичку и потерла пальцами забитое снегом стекло, подышала на него и вдруг отпрянула в сторону. В темноте комнаты проявился вдруг слабый огонек, задрожал, заколебался, и девушке показалось, что двинулся в сторону окна. Неужели ее заметили? Она скатилась с завалинки в снег.

Антонина и Славка подползли к ней, и они сомкнули головы, чтобы обсудить, что делать дальше. В доме определенно кто-то был, но по огню свечи не определишь, сколько там человек. Хорошо, если один, а если несколько?

– Ну их к черту! – прошептала Антонина и боязливо оглянулась на темные окна. – Может, и вправду бандиты какие! Ты в дверь, а они тебе пулю в лоб!

– Ага, как на Диком Западе! – захихикал Славка. – Вот пуля пролетела, и товарищ мой помёр, товарищ мой помёр!..

– Ах ты, негодяй! – Антонина схватила его за шиворот и несколько раз ткнула головой в снег.

Славка вывернулся, обхватил ее руками, повалил навзничь, потом оседлал верхом и принялся натирать щеки Антонины снегом, приговаривая:

– А, попалась, которая кусалась! Будешь знать, как мужское достоинство оскорблять.

– Твое мужское достоинство еще под микроскопом нужно разглядывать! – Антонина исхитрилась, вывернулась из-под него и, зачерпнув полную горсть снега, размазала его по мальчишеской физиономии. – Знай, ребенок, как со взрослыми тетеньками связываться!

– Прекратите возиться! – громким шепотом приказала им Людмила. Подняла лисью, свалившуюся с головы брата шапку, стряхнула с нее снег и натянула ему

на голову. – По-моему, вы уже забыли, зачем мы сюда заявились.

Тонька поднялась из сугроба, попыталась сбить снег с шубы, но без особого результата, и погрозила Славке кулаком.

– Знала бы, что ты такой злодей, ни за что бы не сняла с гвоздя. Оставить надо было на ночь, чтобы сопли поморозил, может, научился бы старших уважать.

– Оба вы друг друга стоите! – подвела черту под их перепалкой Людмила и приказала: – Ты, Славка, становишься слева от двери, я – справа. Тоня, ты стучишь в дверь – и сразу же в сторону, ныряй в сугроб.

– Совсем девка сдурела! – выдохнула испуганно Антонина. – Ты что, решила их приступом взять?

– А что ж нам теперь, здесь до утра задницы морозить?

– Давай я все-таки побегу вызову милицию!

– Ты еще своих дружинниц кликни! – усмехнулась Людмила и придержала подругу за рукав. – Остынь, может, тут всего и дел, что бомж занюханный...

– Смотрите, а пурга ведь стихает помаленьку! Вон огни на водонапорной башне уже видны! – Славка вытянул руку в направлении светлого пятна, проступившего вдруг на фоне сплошной стены продолжающего идти снега. Но ветер и вправду стих, а они за спором и не заметили, что не бросается он в лицо разъяренно, не плюется больше снежной крупой и не кружит вихрем у ног.

Людмила вздохнула с облегчением: заваруха кончилась и, похоже, до утра уже не возобновится. Да, давненько столь сильная пурга не обрушивалась на село и тайгу, и такое количество снега всего за несколько часов уже года три как не выпадало. Вероятно, потому, что осень необычайно затянулась, слишком поздно облетела листва, а всего неделю назад всю еще поливал обильный, почти весенний ливень.

Вот и пожелала природа наверстать упущенное, обрушилась на землю шквальным ветром, почти в одночасье погребла ее под почти метровым

снежным покровом. И неизвестно еще, получится ли завтра проехать к кормушкам, которые и наполовину не удалось восстановить после набега Надымова и его пакостных дружков. На машине туда вряд ли сейчас пробьешься, придется на «Буране» добираться или, скорее всего, на лыжах...

Она осторожно поднялась по крыльцу, превратившемуся в сугроб, как и все вокруг, и заняла ею же самой определенное место. Славка, приученный сестрой за долгую совместную жизнь и не к таким передрягам, в подобных случаях подчинялся ей беспрекословно и понимал с полуслова, поэтому лишь молча махнул рукой с противоположной стороны крыльца, дескать, готово! Выпускай Антонину!

Подруга несколько раз быстро перекрестилась и, как коза, пропрыгала по глубоким следам, проложенным Людмилой к порогу. Склонилась на мгновение к пробой, потом подняла лицо, тускло белеющее в темноте, и прошептала:

– А пробой-то на месте. Кажется, замок ключом открывали...

Людмила достала из-за пазухи фонарик, поставила синий фильтр и навела бледный пучок света на пробой. Следов взлома не наблюдалось. Выходит, в дом проникли цивилизованным путем, и вполне возможно...

Но слишком долго раздумывать им не позволили.

Дверь с треском распахнулась. В следующее мгновение Антонина, взвизгнув от неожиданности, отскочила в сторону и, оступившись, полетела с крыльца спиной в сугроб.

– Людка! У него пистолет! – заорал истошно Славка и бросился в ноги выскочившему на крыльцо человеку.

– Бросай оружие! – крикнула Людмила и попыталась ударом ноги выбить из рук противника пистолет, но валенки были слишком тяжелыми от налипшего на них снега, она поскользнулась и вместо намеченной цели угодила ногой в косяк и чуть не упала. Противник весьма ловко уклонился в сторону, перехватил пистолет в другую руку и сильным пинком отшвырнул Славку в сугроб, отчего вставшая было на ноги Тонька опять завалилась на спину и выругалась совсем уж неприлично, пытаясь столкнуть с себя мальчишку.

Дуло пистолета уткнулось Людмиле в лоб. Холодный металл обжег кожу. Девушка вздрогнула, а незнакомец, не опуская пистолет, попытался вырвать у нее из рук карабин. Она сжала зубы, но оружие из рук не выпустила.

– Дура, – пробормотал человек, – отдай карабин! – И резко притянул его к себе. Людмила уперлась носками валенок в порог, но оружие в руках удержала.

Краем глаза она заметила, что куча-мала из Славки и Антонины распалась на две части, и брат, стоя на коленях, поднял ружейный ствол в небо. Полыхнула вспышка, раздался гулкий, словно в бочку, выстрел. Человек быстро оглянулся, на долю секунды отвел пистолет от лица Людмилы и ослабил хват руки на карабине. Но ей было достаточно и этого. Что было сил она рванула карабин на себя, обледеневшей подошвой валенка ударила противника по правому колену, а приклад направила прямо в солнечное сплетение. Человек согнулся пополам, зашатался, и Людмила следующим ударом ноги отправила противника вниз головой с крыльца в тот же сугроб, из которого с грехом пополам выкарабкались Славка и Антонина.

Незнакомец приземлился на нетронутую еще снежную поверхность рядом с ямой, в которой только что барахтались его противники, попытался приподняться на руках и вдруг застонал и обессиленно упал в снег лицом.

– Господи! Ты что, его пристрелила? – прошептала Тонька и прижала руки к груди. Она потеряла в сугробе шапку, и теперь снег набился ей в волосы, они смерзлись в жалкие кудельки, но она не замечала этого, с испугом вглядываясь в неподвижную темную фигуру у их ног. – А здоровый бандюга, как он нас всех тут не прибил?

– Я в него не стреляла, только прикладом ударила. – Людмила спустилась с крыльца и подошла к обезвреженному противнику. Он не шевелился, похоже, потерял сознание, но она тем не менее приблизилась к нему весьма осторожно, закинула карабин за спину и, склонившись над неподвижным телом, ощутила вдруг нечто похожее на панику. Кажется, она изрядно перестаралась. Рядом с головой незнакомца расплывалось большое темное пятно. И это означало одно: он не просто потерял сознание, но еще и серьезно поранился.

– Тоня, кажется, он ранен! – Людмила перебросила карабин в руки брата, встала на колени рядом с мужчиной и попыталась перевернуть его на спину. Он был

тяжел, как камень, и только когда Антонина пришла на помощь, им с трудом, но удалось выполнить задуманное.

Человек застонал, попытался подняться на локтях, но опять откинулся назад и замолчал. Людмила направила луч фонарика ему в лицо, но оно было покрыто обледеневшим снегом вперемешку с кровью, и она почувствовала уже не просто панику, а ужас.

– Людка, я в доме посмотрел, что к чему! – торопливо прошептал Славка. – Там кроме раскладушки и огарка свечи, ничего нет. Наверно, к нам домой его придется тащить.

– Да, теперь точно без милиции не обойдешься, да и врача, как ни крути, нужно вызывать, – вздохнула Антонина, – затаскают нас на допросы, замордуют объяснениями да снятием показаний, хорошо, если в каталажку не посадят!

– Давай пока не будем об этом. – Людмила скинула бушлат и расстелила его на снегу рядом с раненым. – Надо его как-то перенести в дом и перевязать хотя бы на первый случай.

Обратный путь показался им еще длиннее, хотя ветер почти стих и снег валил уже не с прежней силой. Но сначала пришлось откапывать калитку в одном дворе, потом в другом, а в промежутке тащить по снежной целине неподвижное тело. Но тяжелее всего было внести его в дом. Ступени покрылись скользкой ледяной коркой, и они чуть не уронили раненого сначала на крыльце, затем Славка, который придерживал бушлат сбоку, все-таки оторвал недавно пришитый воротник. Но в последний момент исхитрился подставить под спину раненого руки, и тот не успел грохнуться на пол теперь уже веранды. Наконец удалось затащить его на кухню и только здесь оценить его весьма нестандартные габариты. Незнакомец занял почти все свободное пространство от кухонного стола до дверей Людмилиной комнаты.

Людмила сняла с себя забитый снегом свитер и бросила его в угол, следом последовала ушанка и валенки, а она в одних носках перешагнула через раненого и прошла в свою комнату, чтобы взять аптечку.

Но не успела она протянуть руку к шкафчику, в котором хранились лекарства и бинты, как в кухне упало что-то стеклянное и, если судить по звуку, разбилось, а

Антонина жалобно и вместе с тем испуганно вскрикнула:

– Е-мое, Людка, ты смотри, кого мы угрохали! – И добавила уже более сердито: – Ну как тут, Вячеслав, не выругаться? Гляди сюда! Это ж нам теперь век свободы не видать!

– Что случилось? – Людмила вернулась на кухню.

Антонина стояла на коленях к ней спиной и, склонившись над раненым, протирала ему лицо мокрым полотенцем.

Славка с другой стороны поддерживал его голову, и взгляд у брата был мрачнее тучи. Сердце у Людмилы сжалось. Бывший противник был одет в милицейские брюки и тельняшку. И она знала только одного человека в Вознесенском, кто был подобного роста и телосложения и носил к тому же форму милиционера.

Она молча опустилась на колени рядом с Антониной, уже не ожидая от дальнейшей жизни ничего хорошего. И зачем было затевать эту разведку боем? Теперь от ее художеств пострадают ни в чем не повинные брат и подруга...

– Как он? – спросила она шепотом.

Антонина отвела от лица Барсукова полотенце и вздохнула:

– Надо же, как не повезло! Пускай бы уж кто-нибудь из ментов попался, но не сам же начальник РОВДа. Интересно, по какой статье нас судить будут, а, Людка? Тут мелким хулиганством не отделаешься.

– Нанесение тяжких телесных повреждений, не иначе, – разъяснил им юридические аспекты Славка, – а так как мы чуть-чуть не угробили самого ментовского начальника, нам наверняка лет пятнадцать строгого режима светит...

– Спасибо, успокоил! – Антонина взяла из рук Людмилы бинт и с удивлением посмотрела на нее. – Ты что побелела вся? Вот уж не думала, что ты крови боишься!

– Прямо крови она боится! – заступился за сестру Славка. – Она за этого мента испугалась. Жалко небось стало?

– А ты как думаешь? – рассердилась Людмила. – Он мне особого вреда не причинил, да ты и сам сегодня ему дифирамбы пел.

– Я как раз не пел, – насупился брат, – это Артем да Светка изощрялись, а меня в конторе не было. Что я могу о нем сказать? А рана у него пустяковая, щеку немного ободрал и, видно, еще нос расквасил, а сознание потерял из-за того, что лбом к бревну приложился. Там еще с прошлой осени несколько березовых кругляков валяются. – Он взял с пола лежащий рядом карабин и, недолго думая, приложил ствол ко лбу подполковника. – Ничего, сейчас очухается и еще покажет нам кузькину мать!

– Ради бога, Вячеслав, убери эту дуру подальше! – приказала ему Антонина и покачала головой. – Да-а! Рана, конечно, невелика, ссадина просто приличная, но ты посмотри, какой рог у него на лбу вырос да вдобавок еще фингалы под обоими глазами!

– Он случайно переносицу себе не сломал? – Людмила осторожно дотронулась кончиками пальцев до переносицы Барсукова, потом проверила, целы ли кости носа, и облегченно вздохнула. Кажется, все в порядке. И только тут поняла, что ее трясет как в лихорадке, а кончики пальцев, которыми она продолжала исследовать его лицо, отплясывали поистине сумасшедший танец.

Множество раз ей приходилось оказывать первую помощь, обрабатывать и перевязывать и более страшные раны. А два года назад, когда сломалась машина и ей вместе с одним из егерей пришлось десять дней пешком выбираться из тайги, она самолично, когда уже не помогали ни травы, ни крутой кипяток, охотничьим ножом отрубила загнивший мизинец своего попутчика. Но здесь она испытала не просто страх. И не наказания она боялась. Тут было нечто другое. И как ни силилась, объяснения этим непонятным ощущениям пока не находила.

Антонина тем временем обработала края ссадины спиртом, затем подумала секунду, заклеила ее бактерицидным пластырем и, окинув критическим взором содеянное, преувеличенно громко вздохнула:

– А вам не кажется, господа хорошие, что у подполковника явно пиратская рожа. Наверняка в одной из своих прежних жизней он был каким-нибудь Джонни-Вырви-Глазом, а я – прекрасной маркизой, кем-то вроде донны Каролины или Магдалины. И любили мы друг друга, как два голубка, пока его не вздернули на рее, а я, скорее всего, с горя отравилась или вонзила стилет между своих роскошных грудей.

– Твои роскошные груди только под микроскопом и разглядывать, – мстительно хихикнул Славка, в ту же секунду схлопотал звонкую оплеуху и, подобрав оказавшийся под рукой веник, бросился в атаку на Антонину.

Та увернулась от удара, опрокинула стул и, подхватив его за ножки, вскочила с пола и загородилась им от Славки.

– Только тронь, паршивец! Давно ли я тебе сопلي вытирала, а теперь вырос на две головы выше и рад, что с престарелой теткой справился!

– Господи, ну когда же вы успокоитесь? – взмолилась Людмила. – Или прикажете на цепь вас посадить?

Она капнула нашатыря на ватку и поднесла к носу Барсукова. Он чихнул, приоткрыл глаза и мутным взглядом уставился на девушку.

– Что здесь... происходит?

– Вот чисто милицейский вопрос! – Антонина опустилась на пол рядом с ними и приказала подруге: – Подними-ка ему голову выше, а то вдруг тошнить начнет. – И справилась у Дениса: – Голова не болит? Не кружится? Во рту не сушит?

– Нет вроде. – Денис провел ладонью по лицу, наткнулся на пластырь и уже более посветлевшим и удивленным взором обвел лица двух женщин и одно юношеское, склонившиеся над ним. – Откуда это украшение? – Он потрогал пластырь указательным пальцем. – И как вообще я здесь оказался?

Девушки переглянулись. И Людмила решительно сказала:

– Все случилось по моей вине. Дело в том, что мы услышали за стеной непонятный шум и подумали, что в пустую квартиру, вполне возможно, забралась какие-то бродяги. А они ведь, сами знаете, и пожар устроить могут, если напьются... Вот мы и отправились... проверить...

Денис оперся руками о пол и сел, прислонившись головой к печному обогревателю. Посмотрел на Славку и попросил:

– Попить принеси!

– А может, лучше выпить чего-нибудь? Покрепче? – вмешалась Антонина.

– Лучше! Если есть! – Барсуков потер пальцами виски и поморщился. – Чем это вы меня шарахнули?

– Это вы сами, Денис Максимович, с крыльца упали. – Антонина кокетливо улыбнулась и поднесла ему стопку водки и огурец на вилке. – Пожалуйста выпить и закусить! Если хотите, могу капустки предложить квашеной, с лучком и подсолнечным маслом, и картошечка есть, остыла только. Хотите, Денис Максимович?

– Хочу. – Подполковник, похоже, особой застенчивостью не отличался. Водку выпил не поморщившись и с огурцом расправился тоже без особых церемоний.

Но тут Антонине пришла в голову новая идея.

– А если пельменей сварить? Горяченького сейчас похлевать в самый раз. И мы с вами заодно, правда, Мила? А то я что-то до сих пор согреться не могу!

– Я не против! – Барсуков теперь уже без особых усилий поднялся на ноги, оглядел кухню и спросил Антонину, причем Людмиле показалось, что ее намеренно обошли взглядом: – Выходит, это я у вас в гостях?

– А вот и нет! – произнесла Антонина с торжеством и обняла Людмилу за плечи. – Мы с вами на пару в гостях у Людмилы Алексеевны и ее милейшего братца Вячеслава, который до отчества еще не дорос.

– Очень приятно! – буркнул Барсуков, не глядя в глаза хозяйке. – Значит, это о вас меня предупреждал Кубышкин?

– Предупреждал? – удивилась Людмила. – О чем он вас мог предупреждать?

– Да ничего особенного! – Подполковник пожал плечами. Потом вдруг озабоченно огляделся по сторонам. – У меня в руках ничего не было?

«Еще как было!» – подумала Людмила, но сказать ничего не успела, потому что Славка метнулся к своему полушубку, достал из кармана пистолет, протянул его Барсукову и вдруг, выхватив взглядом металлическую пластинку на рукоятке «макарова», выдохнул:

– Наградной?!

– Наградной, – сухо сказал подполковник, затолкал пистолет за пояс брюк и опустил тельняшку. – Пожалуй, я пойду!

– Никуда вы не пойдете! – Антонина показала ему на стул. – Садитесь и ждите, пока мы ужин приготовим. – Она посмотрела на часы и усмехнулась. – Одиннадцать уже, и ужин наш поздний будет, но чтобы закрепить добрососедские отношения, надо немного выпить и хорошенько закусить. Давай, Слава, неси-ка из сеней пельмени, а я пока воду для них поставлю. А ты, Мила, сальца нарежь, капустки достань, огурчиков, помидорчиков. – Она весело подмигнула Барсукову. – Гулять так гулять, любить так любить!

– Антонина Сергеевна! Может, не стоит так суетиться? Пить я больше не буду. Завтра мне на работу к семи. Так что спасибо за заботу. Все-таки мне лучше уйти.

– Куда вы пойдете? – подала голос Людмила. – У вас там ни света, ни воды, наверное? Сейчас Слава принесет вашу раскладушку... Переночуете у нас.

Барсуков с некоторым удивлением посмотрел на нее, помолчал долю секунды и неожиданно согласился.

– Хорошо! Только за вещами я сам схожу, а вы, Слава, если не трудно, помогите мне.

– Есть, товарищ подполковник, – лихо отковырял мальчишка и метнул на стол полотняный мешочек с пельменями. – Людка, ты папкин полушубок дай Денису Максимовичу, а то на улице, кажется, опять хиус задул.

Барсуков молча натянул предложенный ему полушубок и вышел вслед за Славкой в сени. Антонина посмотрела им вслед и тихо сказала:

– Неужто он ничего не помнит? Или придуряется? Боится, что мы ночью сбежим и уйдем от справедливого наказания? Потому и переночевать здесь согласился. Хотя если он сегодня свою рожу в зеркало увидит, то возмездия нам уже точно не избежать!

Глава 7

Денис посмотрел на светящийся циферблат часов. Начало шестого. Выходит, еще почти час до подъема, а он так и не решил, как ему поступить. Совершенно непонятно, по какой такой причине он согласился переночевать в этом доме, совсем упустив из виду, что ему придется подняться раньше хозяев, побриться, умыться, погладить брюки и свежую рубашку. Ну, с рубашкой, допустим, можно как-то перебиться. Она лежит в чемодане, и если на ней и образовались складки, то их вполне закроет китель. Но вот брюки! Те, в которых он был вчера, конечно же, надевать нельзя. После вчерашней схватки вид у них весьма непрезентабельный, и если он в столь жеваном виде, да еще с соответствующим украшением на лице появится на планерке!..

Денис вздохнул. Не зря Кубышкин предупреждал его, что соседи у него люди беспокойные, шумные, одно хорошо, что не алкоголики. При этом он как-то странно посмотрел на Барсукова и даже покачал головой. И Денис только сейчас догадался, что было это не просто удивление, а скорее сочувствие и даже сожаление по поводу столь опрометчивого поступка нового начальника РОВД: не случилось еще в практике Евгения Александровича подобного события, чтобы кто-нибудь отказался от прекрасной благоустроенной квартиры в центре села и согласился поселиться чуть ли не на окраине в доме с печным отоплением, но с

огородом и садом, да еще обрадовался, что от речки и леса недалеко. Барсуков был уверен, что мысленно Кубышкин уже не раз покрутил пальцем у виска. Конечно, квартира, которая предназначалась начальнику РОВД, ни в какое сравнение не шла с той, которую ему предоставили взамен. Даже при слабом свете свечи он разглядел, что штукатурка в комнатах кое-где отлетела, углы заросли паутиной, полы и подоконники щелястые, щербатые и давно не крашенные...

Даже самый примитивный ремонт влетит ему в копеечку, но что поделаешь, если в голову отца пришла идея завести свое хозяйство, собаку, кошку – удовольствия, которые он не мог себе позволить в городе. И Денис скрепя сердце согласился. Возможно, потому, что надеялся: возня с животными, прогулки вместе с дедом в лес и на речку помогут Косте гораздо быстрее выздороветь, окончательно прийти в себя и стать прежним веселым и озорным мальчишкой, гордым на проказы и шалости.

Барсуков улыбнулся, вспомнив, как сын и отец любили петь дуэтом старые песни! Те дни, когда Лидия позволяла Косте переночевать у них, превращались в настоящие праздники. Дед брал в руки баян и запевал любимую «Тачанку»: «Ты лети с дороги, птица, зверь, с дороги уходи...»

Внук тоненько подхватывал: «Видишь, облако клубится, кони мчатся впереди...»

Денис с силой сжал зубы. Перед отъездом в Вознесенское он побывал в санатории, провел с сыном и отцом несколько часов. Но Костя по-прежнему старался не смотреть в его сторону, сидел рядом с дедом нахохлившимся воробышком и, если Денис спрашивал его о чем-то, бросал на него исподлобья мгновенный взгляд и тут же отворачивался.

Он переговорил с врачами. Все они в голос заявляли, что психических отклонений у мальчика не наблюдается, со здоровьем все в порядке, голосовой аппарат не нарушен, слух не поврежден, просто нужно дать ребенку время, чтобы он захотел говорить, и он заговорит, непременно заговорит, как прежде. Просто нужен какой-то особый толчок, способный заставить его сделать это снова.

Но с их последней встречи прошло уже две недели, а положение не изменилось. Так что единственной надеждой оставалось то, что идея деда оправдает себя. И

общение с животными, близость леса и речки все-таки помогут мальчику преодолеть последствия того ужаса, который ему пришлось пережить чуть меньше года назад...

Денис осторожно перевернулся со спины на бок и вгляделся в едва заметный на фоне стены оконный проем. Похоже, пурга вновь взялась за свое. Ветер бился в стены, на оконных стеклах отплясывали причудливые тени. Придется вызывать машину... Он недовольно поморщился, представив себе удивленные взгляды подчиненных, когда он появится на службе. Мало кто поверит, что он поскользнулся на крыльце, но разве мог он признаться, что на самом деле эти «фонари» под обоими глазами – дело женских рук, таких маленьких и изящных на первый взгляд.

Конечно, он мог изобразить происшедшее с ним не просто как недоразумение, а с полным на то основанием подвести случившееся под соответствующую статью: посягательство на его жизнь, как ни суди, было; причем предпринятое вторично, если учесть, что он уже чуть не проломил себе голову об урну у здания администрации, и все с легкой руки этой девицы, его будущей соседки. Но ему почему-то совсем не хотелось заниматься соблюдением законности, тем более эта троица, по вине которой он будет некоторое время объектом ехидных усмешек и многозначительных вздохов за своей спиной, вчера из кожи вон лезла, чтобы угодить ему и загладить свою вину.

Хотя не совсем так. Людмила продолжала вести себя настороженно, и во время их позднего ужина он несколько раз ловил на себе ее хмурый, но какой-то потерянный и слегка виноватый взгляд. Но он тоже старался не расслабляться, держался невозмутимо и не поддавался на те уловки, которые неоднократно предпринимала чрезмерно раскованная Антонина, пытаясь как бы невзначай разузнать подробности его личной жизни и планы на будущее.

Антонина была из тех современных девиц, чьи мысли и поступки он наловчился просчитывать наперед уже в первые десять, а то и пять минут знакомства. Но если рассуждать справедливо, она обладала по-настоящему бойцовским характером, и он уже отметил для себя ее несомненный талант гасить конфликты в момент их зарождения. Особенно явно это проявилось во время вечерней встречи с дружинницами, которую он тоже не мог вспоминать без содрогания. Давненько он не ловил на себе таких откровенных и даже наглых взглядов местных девиц, чьи вызывающие одежды и обилие косметики никак не вязались в его представлении с обликом милых и скромных пейзажников, которых

он ожидал увидеть на этом собрании в районном Доме культуры.

Но, как всегда, его ожидания разошлись с действительностью. Девицы оказались развязными и болтливými, и, похоже, только одна Антонина умела управляться с этой вольницей, которую с большой натяжкой можно было назвать народной дружиной. Но, по словам Кондратьева, с дежурством на дискотеках и сельских праздниках они каким-то необъяснимым образом справлялись и спуску местным хулиганам не давали, порой даже с большей результативностью, чем наряды милиции.

Барсуков опять посмотрел на часы. Осталось полчаса почти мучительных раздумий и сомнений. И он поймал себя на том, что впервые за долгие годы думает, проснувшись, не о предстоящей работе, а слишком уж много времени уделяет собственным проблемам, то и дело возвращаясь в мыслях к худенькой стройной женщине, успевшей за два последних дня причинить ему кучу неприятностей и довести до самой настоящей головной боли.

Сейчас она спит всего лишь через комнату от него. Вчера он случайно увидел, как она разбирает свою постель. Откидывает одеяло, взбивает подушки... И он неожиданно для себя представил, как уютно спать в подобной постели, особенно если рядом милая и желанная женщина... Теплая и нежная... Денис поправил под головой подушку и вздохнул. Странные мысли лезут ему в голову, абсолютно не подходящие его положению и совсем не помогающие настроиться на предстоящий по традиции уже нелегкий день, – надевает ли она ночную рубашку? В жизни у него было несколько женщин, и все они любили длинные трикотажные рубахи с колючими кружевами, вспыхивающие искрами при прикосновении. Жена любила фланелевые, мягкие, но спала в них даже летом... Он усмехнулся. Верно, вчерашнее соприкосновение с бревном окончательно лишило его рассудка, если он чуть ли не всерьез рассуждает о достоинствах женских ночных сорочек.

Но неожиданно для себя представил лежащей рядом с собой Людмилу и словно воочию ощутил под своими ладонями мягкое податливое женское тело, теплое и упругое, высокую грудь с затвердевшими от его прикосновений сосками... Его пальцы ласкали нежную шелковистую кожу ее живота, поглаживали бедра. Женщина прильнула к нему, едва слышно прошептала его имя, и он нашел в темноте ее горячие губы и прижался к ним со страстью и нетерпением. Она раскрылась ему навстречу, но в последний момент, когда, казалось, уже ничто не могло помешать им слиться в единое целое, женщина высвободилась из его

объятий, быстро поцеловала в губы и прошептала: «Пора вставать!» Он попытался ухватить ее за руку, но она так быстро скользнула в темноту... Денис потянулся вслед за ней, хотел позвать ее, попросить, чтобы она осталась... и в следующее мгновение почувствовал, что с оглушительным грохотом и звоном летит куда-то вниз... «Ну, это слишком!» – успел он подумать, а полет уже закончился весьма жестким приземлением.

– Денис Максимыч! Что с вами? – слышалось над его головой. Он открыл глаза. Над ним возвышался в одних трусах еще не отошедший ото сна Славка.

Барсуков ошеломленно посмотрел на него, не понимая, где сон, а где явь. Ведь только что сестра этого мальчишки лежала рядом с ним и... Он чуть не сплюнул от досады. Мало того что совершенно дурацкий сон приснился, но он и сам из-за этой проклятой раскладушки, так некстати подломившейся под ним, опять оказался в нелепом положении.

Он поднялся с пола, с помощью Славки привел в порядок раскладушку, собрал постель и только тут увидел, что на кухне горит свет и пахнет, похоже, пирожками... Денис посмотрел на часы. Начало седьмого. И спал-то он минут десять всего, не более, но как много увидел...

Денис с досадой посмотрел на помятые, висевшие на спинке стула брюки, потом глянул на себя в большое зеркало и скривился от отвращения. Отросшая щетина, которая всегда была у него темнее, чем волосы, придавала ему откровенно криминальный вид. Он потер подбородок и оглянулся на Славку, который в отличие от гостя уже успел натянуть на себя спортивный костюм. И Денис вспомнил, что допустил очередную оплошность, не прихватив с собой из гостиницы спортивного костюма. И теперь надо было искать выход из сложившейся ситуации: как исхитриться погладить брюки и не показаться хозяйке в одних трусах и с голыми ногами.

Но тут его выручил Славка. Протянул ему широкие брюки, темно-синие с ярко-оранжевыми заплатками на коленях и пятой точке. И когда Денис, повертев их в руках, с недоумением уставился на него, пояснил:

– Я их сверху на лыжные брюки надеваю, чтобы не вымокнуть. Думаю, вам в самый раз будет.

Гость натянул на себя штаны, покачал головой и посмотрел на Славку. Мальчишка с явным трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Денис представил себе реакцию девушек на свое появление в кухне и как наяву услышал хихиканье и весьма ядовитые замечания, которые непременно прозвучат из уст этой змеи подколодной Антонины. Людмила, по всей вероятности, промолчит, но сколько откровенной насмешки будет в ее глазах. И повод есть посмеяться: широкие штанины едва доходили ему до щиколоток, а когда он подтянул шнуровку на поясе, стали еще короче.

Но подполковник потому и получил свое звание раньше положенного срока, что не привык избегать трудностей и всегда предпочитал получить удар в лоб, чем пониже спины.

– Слава, где и на чем у вас можно погладить брюки? – спросил он как ни в чем не бывало. И вслед за Славкой вышел на кухню.

Людмила стояла около плиты и переворачивала лопаточкой пирожки на сковородке, а Антонина пыталась выгнать полотенцем в приоткрытую дверь расплзшийся по кухне сизоватый чад.

Девушки, к его удивлению, то ли сделали вид, что не поразились его наряду, то ли привыкли и не к таким испытаниям: они лишь улыбнулись приветливо, поздоровались, а через секунду Славка уже протащил мимо него в свою комнату гладильную доску. И пока Барсуков брился и умывался, на столе появилось блюдо с пирожками, глубокая керамическая миска с варенцом и чай.

– Садитесь завтракать, Денис Максимович! – почти промурлыкала Антонина и пододвинула ему единственный стул. Она сама и хозяйка довольствовались табуретками. – Вот вам пирожки с картошечкой, свеженькие. Людочка у нас большая мастерица пироги печь, да и по всему остальному...

«Да уж! – подумал про себя Барсуков. – Мастер ваша Людмила что надо! А прикладом орудует так, что любой спецназовец позавидует!» Но вслух сказал:

– Спасибо большое, но я обычно не завтракаю. – Он посмотрел на часы. До начала рабочего дня оставалось чуть более получаса. – Простите, но мне нужно еще успеть выгладить брюки и рубашку.

– Без проблем! – высунул голову из дверей Славка. – Оп-ля! – Жестом тореадора он выхватил из-за спины выглаженные милицейские брюки и, церемонно поклонившись, вручил их пораженному гостю. – Извольте принять работу, товарищ подполковник.

– Но зачем же так? – Барсуков растерянно посмотрел на Славку, потом на улыбающихся девушек и покачал головой. – Не стоило этого делать. Я привык сам за собой ухаживать.

– Да бросьте вы! – сказала глухо Людмила, выкладывая варенье из банки в вазочку. – Для Славы это хорошая практика. В институт не поступит – пойдет в армию! Там сестры рядом не будет, чтобы брюки ему чинить и стрелки наглаживать!

– Людмила! – Брат сердито нахмурился. – При чем тут я? Я ваши с Антониной ошибки исправляю, контакт пытаюсь наладить... Или это я, скажете, Дениса Максимовича в сугроб скovyрнул?

– Ну ты и фрукт, Славка, – всплеснула руками Антонина. – Ты что же нас закладываешь? – Она посмотрела на Дениса и улыбнулась: – Вы ведь не принимаете слова этого малого за чистую монету? Никто не собирался на вас нападать! Мы просто решили проверить, не бродяги ли залезли в эту квартиру.

– Антонина, не оправдывайся! – Людмила исподлобья смерила Дениса взглядом и усмехнулась. – Идите, Денис Максимович, переоденьтесь, а потом за завтраком обо всем и поговорим.

Барсуков скрылся в Славкиной комнате, а Антонина сердито посмотрела на парня, прошептала одними губами что-то предельно сердитое и постучала себя кулаком по лбу.

– А что я такого сказал? – растерялся Славка. – Вы что ж, его совсем за дурака держите? Неужели он не догадался, кто его так отделал? Скажите спасибо, что еще вчера наряд не вызвал, а то бы ночевать нам всем в КПЗ как миленьким в компании алкашей.

– У них теперь не КПЗ, а ИВС называется! – пояснила Людмила и пододвинула брату чашку с чаем и блюдо с пирогами. – Ешь давай, Павлик Морозов,

пользуйся, пока сеструху за решетку не поса... – Антонина ткнула ее в бок кулаком, и она замолчала на полуслове.

Барсуков вышел из комнаты с чемоданом в руках, который еще вчера захватил из своей квартиры.

– Простите, но мне нужно еще занести чемодан... – Он опять посмотрел на часы. – Если позволите, я по вашему телефону вызову машину.

– Да вы прямо сбежать от нас хотите, Денис Максимович! – Антонина подошла к нему, взяла из его рук чемодан и поставила на пол. – Или так мы вас напугали, что боитесь остаться с нами? Но мы же не со зла! Если бы вы со своим пистолетом не выскочили, мы бы тоже на вас не напали! Я ведь ненароком подумала, бандюга какой беглый в наши края забрел. Кто же знал, что это вы! У нас все начальство в центре живет!

– Я думаю, отношения мы выяснять не будем! – сказал сухо подполковник. – Сочтем это за печальное недоразумение! Но хотелось бы в похожих ситуациях с вами больше не встречаться. – Он неожиданно усмехнулся. – Насколько я понял, Людмила Алексеевна, у вас большой опыт в обезвреживании противника?

– С волками жить – по-волчьи выть, Денис Максимович, – ответила вместо хозяйки Антонина. – Людмила Алексеевна у нас наравне с мужиками в рейдах участвует. – Она обняла подругу за плечи и лихо подмигнула Барсукову. – Расскажи-ка, Мила, гражданину начальнику, как вы в прошлом году двух хмырей брали, которые решили в заповеднике на коз поохотиться.

– И что в этом интересного? – Людмила пожала плечами. – Можно подумать, Денису Максимовичу это в новинку. Нашла кого удивить. – Она глянула на гостя. – Садитесь лучше завтракать, пирожки совсем остыли...

Глава 8

Утро выдалось чистое и морозное. Всеми цветами радуги горели и переливались колючие льдинки на поверхности снега. И больно глазам и радостно наблюдать

за фейерверком искр, быстро меняющимся калейдоскопом цветов и оттенков, вспыхивающих на поверхности снежного поля, сглаженного недавним снегопадом и устойчивым ветром, дующим снизу, из долин и горных ущелий.

От черного пихтового леса к прозрачному березняку на краю ущелья уже пролегал хорошо видный свежий след: цепочка круглых и глубоких вмятин со слегка выдающимися вперед двумя средними пальцами. Любой охотник, взглянув на следы, сказал бы, что здесь недавно прошел волк. Но Людмила знала больше. Это был след Темуджина, волка-трехлетки, которого они вместе со Славкой спасли когда-то из-под оползня. Вылечили серому зверенышу сломанную лапу, выходили, а потом учили выслеживать добычу, охотиться самостоятельно, потому что понимали: место дикому зверю в тайге, а не на цепи рядом с конурой.

Волк, по всей вероятности, вернулся в свое логово после ночной охоты, и она не стала его беспокоить. Вот уже два с лишним года Темуджин живет на свободе, и только иногда, как сейчас, их следы пересекались, но волк никогда не подходил ближе, чем на десяток шагов. Предпочитал наблюдать за своей бывшей хозяйкой со стороны. Правда, порой выносил на тропу и оставлял в подарок то убитого зайца, то задавленную копалуху. Откуда Темуджину знать, что для человека охота в заповеднике запрещена раз и навсегда...

Людмила остановилась на краю ущелья, заглянула в его мрачные глубины, потом оттолкнулась лыжными палками и заскользила вниз по склону. До границы заповедника оставалось пятнадцать километров. И она уже два часа шла по лесу, возвращаясь с дальнего кордона Теплый ключ. Неделю назад после пурги егеря сообщили по радиации в дирекцию заповедника, что видели на ближайшем гольце следы двух ирбисов. Субботу и воскресенье она провела на кордоне, и счастье на этот раз улыбнулось ей. Наконец-то удалось сфотографировать на узком скальном гребне двух вальяжных красавцев, самца и самку, с черными пятнами на белоснежных шубах...

Лыжня нырнула в распадок, потом вознесла ее на увал. И сразу же она уловила странный запах. Запах дыма, усложненный какой-то примесью. Похоже, где-то неподалеку горел костер, на котором коптилось мясо. Чужой заповедному лесу запах и потому особенно вызывающий и заметный в чистом воздухе высокогорья.

Людмила остановилась и тут же пожалела, что отказалась от предложения егеря проводить ее до границы заповедника. И Темуджин далеко, не позовешь, если что случится. И хотя волк остерегался подходить к ней, но девушка знала, что он всегда придет на помощь, не оставит в беде. Она перевесила карабин на грудь и, отталкиваясь палками, тихо заскользила через лес навстречу запаху. Сердце ее замирало от тревожных предчувствий. Сейчас что-то будет!

Запах тем временем усилился. Он шел из одной особенно густо заросшей расселины. Прямо перед ней поднимался метров на десять крутой, лишенный снега каменный взлобок. Он вырывался из цепких объятий пихтовых ветвей и почти до самой вершины густо зарос можжевельником и кашкарой. Но на него предстояло еще забраться.

Людмила сняла лыжи, сбросила с плеч рюкзак и пристроила их у подножия горушки в зарослях кустарника. Если с ней что и случится, оранжевый рюкзак подскажет спасателям, что она здесь побывала...

Что там за взлобком, девушка не знала, но догадывалась, какую смертельную опасность может таить для нее место, где горит запретный костер. И все-таки стала осторожно подниматься на скалу, цепляясь за упругие ветви и моля бога, чтобы камни не посыпались из-под ботинок и не выдали браконьерам, что кто-то подбирается к их тайному убежищу.

Легкий свист раздался вдруг левой скалы. Людмила мгновенно нырнула в заросли можжевельника и высунула ствол карабина перед собой. Свист повторился. Выходит, заметили. Она еще теснее вжалась в скалу, каждую секунду ожидая выстрела. Но все опять стихло. Минуту-другую вокруг стояла тишина, и вдруг в той стороне, откуда несло дымом, закричала сердито и раздосадованно сорока. Закричала – и тут же запнулась, замолкла. Опасность!

Людмила передернула затвор, досылая патрон в ствол. Чужие люди в заповеднике. Это не туристы, по ошибке забредшие не туда, куда следует. Это – бывалые заготовители, которые валят не одного марала, а пять-шесть сразу, по числу лошадей, на которых они тайными тропами быстро проникают в самую глушь заповедника, делают свое черное дело и так же быстро и осторожно покидают его пределы. Но на этот раз браконьеры были то ли из особенно наглых и бесцеремонных, то ли совсем уж простые, неопытные. Додуматься устроить коптильню в зимнем лесу, где запахи чувствуются за несколько километров...

Людмила переждала пару минут и снова двинулась в сторону интересующих ее зарослей. И тут же из-за камня грохнул один выстрел, следом – второй, рассыпавшись на сотню повторов. Стреляли в нее. Одна из пуль ударилась о камень в метре от ее плеча, противно взвизгнув, она ушла рикошетом в сторону, а вторая сорвала кусок коры с молодой пихты буквально в пяти вершках от ее головы. Брызги древесины ударили ее по щеке. С головы свалилась ушанка. Людмила тоже упала как подкошенная, но упала очень умело, так что очутилась за обломком скалы, сплошь заросшим черным мхом. Но ствол ее карабина был по-прежнему направлен в ту сторону, где затаились преступники. Она была уверена, что их несколько. На такие дела в одиночку не ходят. Она расстегнула бушлат и проверила в нагрудном кармане комбинезона наличие запасных магазинов к карабину. Ей объявили войну. И она приняла эти условия.

Лес замолчал, затаился, напуганный грохотом выстрелов. Тишина. Даже вездесущая сорока притихла, а возможно, и улетела подальше от опасности. Все насторожилось. Ладно. Выждем. Кто кого! Минут через пять над дальним камнем поднялась рука с зажатой в ней винтовкой. Браконьеру не терпелось глянуть на дело рук своих. Вероятно, он думал, что прикончил или по крайней мере ранил настырную девицу, которая уже в печенках сидит у местных «мичуринцев». Эти чрезмерно нахальные рыцари ножа, ловушки и незарегистрированного карабина не ждут милостей от природы, а от охраны заповедника тем более и потому налеты на заповедную территорию совершают стремительно, так же быстро исчезают, но пакостят изрядно, и особенно в последнее время с небывалой доселе наглостью и дерзостью.

Но парень просчитался. Не успел он коснуться рукой камня, чтобы подняться из своего убежища, как со стороны противника раздался ответный выстрел. Хотя кровь, стекая по щеке, мешала Людмиле как следует прицелиться, она осталась верна своему охотничьему правилу – поражать цель с первого выстрела. Рука бандита повисла, а он сам закричал пронзительно от боли и испуга одновременно. Ружье звякнуло о камень и свалилось по другую от него сторону, а раненый вновь спрятался в своем укрытии.

Людмила подождала несколько мгновений. Больше выстрелов не последовало. Значит, браконьеры решили или уйти подобру-поздорову, или, что хуже, задумали окружить ее... И теперь если и будут в нее стрелять снова, то не с прежнего места, а, скорее всего, постараются обойти с флангов и зайти с тыла. Она вскочила на ноги и, петляя между огромных камней, помчалась вперед, как в атаку. Снег в расселине слежался, наст под ней не проваливался, а рифленая

подошва ботинок не позволяла ногам соскользнуть с поверхности камней. Сквозь кусты она прошла, как бегущий марал, тараном. И очутилась на пустой поляне. Костер, сложенный из длинных и толстых бревен, должен был гореть долго и жарко. Языки пламени лизали три сухих бревна, возле них грудились раскаленные докрасна угли. Не один день горит этот костер в тайном распадке, и наверняка не в первый раз. Снег вокруг него хорошо утоптан. К бегущему неподалеку ручью проложена чуть ли не дорога, а в тени скалы пристроился вместительный балаган, внутри которого имеется даже небольшая чугунная печка и топчан.

Сторожко оглядываясь по сторонам, Людмила обошла поляну, стараясь не оставаться подолгу на открытых местах, каждую секунду ожидая выстрела, потому что спиной чуяла чужой враждебный взгляд, наблюдающий за ней из кустов на вершине увала.

Над костром был устроен навес из ветвей и толстая жердь на козлах. А на этой жерди висело мясо: просоленные, слегка закопченные окорока, грудина, нарезанные куски. Цех переработки. Вон как здорово и умело все организовано, только вот мастеров у огня не оказалось.

Людмила закинула карабин за спину. Похоже, опасность миновала.

Быстрым шагом она направилась к камню, за которым остался раненый. Если тот и сбежал, то винтовку, конечно, бросил, не до нее.

Так оно и оказалось. Вот он, тайный скрадок, примятый снег. Кровь. Обрывок рубахи, видно, руку бинтовали наспех. А по другую сторону камня валялась брошенная винтовка. Людмила подняла ее, оглядела и покачала головой. Очень дорогая винтовка. Немецкий «маузер», тяжелое и грозное оружие. И не с голодухи пришли сюда охотники, не бедняки, завалившие парочку коз детишкам на пропитание, а жадные до легкой наживы и потому беспринципные и наглые, способные даже на убийство выродки.

Когда она рассматривала трофей и размышляла, кому он мог принадлежать, издали раздавался приглушенный расстоянием крик. Он донесся сверху, с увала, покрытого кашкарой и молодым пихтовым лесом, из самой непролазной чащи. Не все разобрала она в этом яростном, дважды повторенном крике, но слова «...попадешься еще, чернявая сучка, отплатим...» донеслись отчетливо. Ясное

дело, взбесились «мичуринцы». Такая добыча уплыла.

Ладно. На этот раз все обошлось более-менее благополучно, а к угрозам ей не привыкать.

Девушка вернулась на поляну, сняла с плеча тяжелые ружья. Потрогала запекшуюся кровь на щеке, осмотрелась.

Мясо продолжало коптиться. Много мяса, килограммов сто. И похоже, не одного марала свалили. Она прошла по кустам. Ага, вот и шкура, безрогая голова. Порядочная ланка. Второй шкуры она не нашла, зато в снегу рядом с балаганом обнаружила флягу с засоленными в ней шестнадцатью камусами. Значит, не менее четырех оленей поплатились на днях жизнью. И, вероятно, это еще не все. Дело здесь, судя по всему, поставлено на широкую ногу, что творится на дне распадка, сверху не слишком уж и разглядишь, и не сверни она сегодня на пару километров в сторону от привычного маршрута, в надежде повстречаться с Темуджином, неизвестно, сколько еще продолжал бы действовать этот тайный коптильный цех почти в самом сердце заповедника.

Она забросала костер снегом, мясо сложила на широкий брезент, обнаруженный в балагане под топчаном, завернула его и перевязала капроновой веревкой, которую всегда носила с собой в рюкзаке. Сначала она хотела сделать волокушу из лыж, чтобы спустить мясо к дороге, проходящей неподалеку от границ заповедника. Там можно было дожидаться попутной машины, но потом передумала. По глубокому, свежевывапшему снегу ей с подобным грузом до дороги и к вечеру не добраться, а появившиеся на горизонте облака, судя по всему, ничего хорошего не сулили.

Тогда она с трудом, волоком перетащила тук с мясом в кусты у подножия увала, завалила его камнями, присыпала снегом. Конечно, слабая защита от зверя, но ничего лучшего в ее положении она придумать не могла.

К дороге она выбралась только во второй половине дня. Бежать на лыжах по наезженной колее было значительно удобнее, чем по снежной целине, но она еще не знала, что неожиданная схватка в таежном распадке была далеко не последним испытанием в этот с утра не задавшийся день.

Дорога привела ее в узкое ущелье. И Людмила поняла, почему ей до сих пор не попала ни одна идущая машина: в теснине, расширенной при строительстве дороги, царил невообразимый хаос. Огромные глыбы снега, черные камни, пласты мерзлой земли, стволы деревьев, переломанные, как спички, загромождали устье ущелья. Лавина сошла совсем недавно. Воздух все еще был насыщен снежной пылью и какой-то неизъяснимой тревогой.

Она сняла лыжи и прошла вдоль границы сброса лавины, прихватившей вдобавок порядочную часть каменной осыпи. Посмотрела вверх. На краю скального карниза, словно надломленный козырек фуражки, оставался висеть все еще приличный снежный надув, только по счастливой случайности не скovyрнувшийся вниз, но малейший неосторожный звук, свалившийся из-под ног зверя камень – и эта махина грохнется в ущелье, окончательно закупорив его.

Людмила вскарабкалась по спрессованным страшным ударом комьям снега как можно выше, но края лавины не увидела. Она простиралась вперед метров на двести и терялась за изгибом ущелья. Да-а! Работы дорожникам не меньше чем на неделю, и это в том случае, если снежный козырек не обвалится в самое ближайшее время.

Теперь ей придется возвращаться на кордон и пытаться связаться оттуда по радиации с дирекцией заповедника, чтобы сообщить, по какой причине она задерживается. Но до него без малого тридцать километров, и у нее просто не хватит сил пройти это расстояние вторично. Значит, надо подбирать место для ночлега, а завтра попробовать найти дорогу через хребет...

Ночевки в тайге, к тому же в одиночку, не были для нее в диковинку. Людмила умела пережить пургу под выворотнем старого дерева, разжигать костер в самую лютую непогоду, прятаться от леденящего холода в сугробе – этому ее научил отец, который с малых лет брал дочь в обходы по заповеднику. Правда, поначалу она большей частью путешествовала за его спиной в специальном рюкзаке, сшитом для этих целей мамой...

Людмила снова встала на лыжи, повесила на плечи рюкзак, тяжелые карабины закинула за спину и поспешила покинуть опасное место. На выходе из ущелья ее встретило яркое солнце, и, зажмурившись, она посмотрела на небо. Облака стали прозрачнее и невесомее. И она вздохнула с облегчением. Кажется, этой ночью ни ветра, ни снегопада не ожидается, поэтому есть возможность с утра пройти перевал, а это значительно сократит путь до Вознесенского.

Она огляделась по сторонам и решила переночевать под скальным выступом метрах в пятидесяти от дороги, но не успела она сделать и десятка шагов по снежной целине, как вдалеке послышался шум автомобильного мотора. Машина шла на приличной скорости со стороны последнего на этом участке трассы леспромхозовского поселка Ентаульский. Людмила приложила ладонь козырьком к глазам и присвистнула от удивления. К ущелью приближался желто-голубой милицейский «уазик» – любимое средство передвижения Стаса Дробота. На входе в ущелье автомобиль слегка притормозил, потом выбросил струю газа из выхлопной трубы и, чихнув мотором, скрылся в узкой щели среди скал.

– О черт! – выругалась Людмила и, сбросив прямо в снег карабины и рюкзак, устремилась назад к ущелью. Вряд ли этот безответственный балбес удосужится посмотреть вверх, а если он вздумает газовать подобным образом и в ущелье, то нового схода лавины не миновать.

У входа в ущелье она скинула лыжи и со всех ног бросилась к машине. Стас – а был ли это он на самом деле, она не успела разглядеть: мешала тень, отбрасываемая утесами – открыл дверцу и, придерживая ту одной рукой, второй крутил баранку, стараясь развернуть машину. Она дала задний ход и опять оглушительно чихнула. Гулкое эхо ударило о стенки ущелья и взметнулось вверх. В следующее мгновение Людмила услышала давно знакомый звук, почти стон, от которого у человека знающего волосы становятся дыбом. Гора у нее над головой словно вздохнула, освобождаясь от непомерного бремени, вслед за этим раздался едва различимый шорох, перерастающий в гул, страшный, отчаянно безысходный...

– Стас! Лавина! – крикнула она не своим голосом, рванулась к машине и каким-то нечеловеческим усилием буквально вырвала человека из кабины. – Быстрее! К скале! – Она уже не слышала за ревом лавины, ответил ли что-нибудь Стас, потому что как на крыльях летела к скальному выступу, единственной надежде на спасение...

Воздушная волна ударила ей в спину, она перекувырнулась через голову и в последний момент успела почувствовать что-то невыносимо тяжелое, накрывшее ее с головой и прижавшее к камням...

Теплая и сладкая жидкость заполнила ей рот. Девушка глотнула, ощутила вкус кофе и открыла глаза. Человек склонился над ней и опять поднес к ее губам алюминиевый стаканчик от термоса. Она сделала несколько глотков и прошептала:

– Спасибо, я больше не хочу!

Она приподнялась, села и огляделась по сторонам. Вторая лавина оказалась еще мощнее первой и полностью закупорила выход из ущелья. Но как им удалось спастись?

– Стас. – Она повернулась к своему спасителю и осеклась. Рядом с ней стоял на коленях подполковник милиции и нынешний ее сосед Денис Максимович Барсуков собственной персоной и укладывал ее термос в принадлежащий ей рюкзак.

Заметив ее удивление, он скривился в не слишком дружелюбной улыбке.

– Здравствуйте, Людмила Алексеевна! Вижу, не меня вы желали увидеть?

Она пожала плечами:

– При чем тут вас или не вас! Просто на этой машине чаще всего ездит Стас, а у меня, как вы понимаете, не было времени выяснять, кто на самом деле находится в кабине.

– Если бы не вы, я бы в блин превратился на пару с машиной, – произнес глухо Барсуков и вдруг улыбнулся, открыто и весело, как ни разу еще не улыбался в ее присутствии. – Простите, я, конечно, очень вам благодарен за спасение, но, кажется, это становится дурной приметой...

– Что именно? – спросила Людмила и поднялась на ноги.

– Каждая наша встреча заканчивается для меня определенными неприятностями.

– Это подтверждает очевидный факт, – усмехнулась девушка, – вы должны держаться от меня как можно дальше, иначе в следующий раз останетесь без головы.

– Да, предпосылки для этого имеются, и весьма существенные. – Денис тоже встал на ноги и проследил за ее взглядом, вновь устремленным на ущелье. – Но вы меня мастерски из кабины выдернули, прямо как пробку из бутылки. И бежал я так, наверное, впервые в жизни...

– Как вам удалось выбраться? – спросила девушка тихо. – Я ведь помню, что нас накрыло лавиной.

– Нет, это я на вас нечаянно свалился, а потом в последний момент успел затащить за скалу. Она-то нас и спасла, приняла на себя удар. Когда все стихло, я разгреб над головой снег, даже не снег, а снежную пыль, всего сантиметров двадцать толщиной, вылез сам, потом вытащил вас...

– Выходит, легко мы с вами отделались, но что все-таки с машиной?

– Я уже сказал. Вмятку. Я только что проверил. Над ней снега вперемешку с камнями метра два, не меньше. Думаю, смысла откапывать ее нет. Рация все равно разбита, так что на чью-то помощь рассчитывать не приходится.

Людмила окинула подполковника критическим взглядом и покачала головой.

– Что ж вы в ботинки да в куртку выфрантились? Надо потеплее одеваться, когда в дальнюю дорогу отправляетесь, – в унты, в полушубок... А теперь в тайге придется ночевать, а в вашем наряде живо дуба дашь.

– Вы полагаете, что нам придется ночевать в тайге? – Денис уставился на нее с откровенным удивлением. – Но мы же через пару часов в сосульку превратимся, даже если и костер сумеем развести!

– А нам ничего другого не остается. – Людмила подошла к рюкзаку, надела его на плечи, подняла из снега оба карабина. – Сейчас мы попытаемся добраться вон до тех камней, – кивнула она в сторону узкой полосы курумника, проглядывающей сквозь снежное покрывало. – Там всегда можно отыскать

какое-нибудь укрытие. Если не получится, будем, как эскимосы, ночевать прямо в снегу, но предупреждаю: в этих ботиночках вам придется несладко. У меня в рюкзаке есть толстый свитер, могу поделиться, наденете под куртку, а вот насчет обуви не обессудьте, кроме лишней пары носков, ничего больше нет.

- И на том спасибо! - Барсуков опустил вниз уши форменной шапки и посмотрел на девушку. - Пошли, что ли?

- Пошли! - кивнула она головой и в последний раз оглянулась на ущелье. Лыжи тоже остались под лавиной, и теперь даже и речи не было, чтобы идти через перевал... - Людмила вздохнула, посмотрела на Барсукова и перекинула ему в руки «маузер». - Возьмите мой трофей! - И, заметив, с каким недоумением он рассматривает карабин, пояснила: - Сегодня мне его один «мичуринец» на память оставил. Жаль, что лыж нет, а то я бы вас непременно к балагану сгоняла, чтобы своими глазами увидели, что эти сволочи в заповеднике творят.

Подполковник подошел к ней ближе, внимательно посмотрел ей в глаза и вдруг коснулся кончиками пальцев царапины на ее щеке и глухо спросил:

- Это оттуда?

- Оттуда! - Людмила насмешливо посмотрела на Барсукова. - Как видите, не только в милиционеров стреляют, господин подполковник, но и в сотрудников заповедника. Но и меня этот мерзавец долго будет вспоминать, кажется, я ему руку перебила. Так что выберемся отсюда, проверьте, кто в больницу обращался с подобным ранением, хотя я не слишком верю, что он к врачу побежит, но все-таки.

- Где это случилось? Далеко отсюда?

- Далековато. В ваших ботиночках, да без лыж, как раз пару дней нужно добираться, если учесть, что снег в некоторых местах уже по пояс.

- Жалко, хотелось бы на месте посмотреть, что к чему.

- А там и смотреть особо нечего! Все как обычно: мясо, камусы засоленные, балаган... Снег весь истоптан, и каких-то характерных следов найти не

удалось... Вот единственная улика. Карабин. Если он зарегистрирован, можно выйти на владельца.

- Если зарегистрирован, - вздохнул Барсуков. - Сталкивался я уже с подобным явлением. Зарегистрирован старенький дробовик, а когда по закромам пошаришь, парочку неучтенных карабинов обнаружишь...

- Ну, нам это тоже знакомо, - усмехнулась Людмила, - но «маузер» - оружие дорогое, первый раз такое в наших краях встречаю. Возможно, здесь кто-то из городских шакалов орудует, и не из простых. Слишком уж нагло действуют. Но в открытую нападать не стали, не решились по какой-то причине.

- Так там, выходит, не один браконьер был?

- Похоже, что не один. Я уверена, что свистели с двух сторон. И выстрела тоже два было. Один за другим...

Барсуков озадаченно покачал головой, но ничего не сказал. Эта девушка удивляла его все больше и больше. Не каждый мужик решится выступить против двух вооруженных бандитов, и тем более в тайге, где замести следы - плевое дело. Он почувствовал странную боль за грудиной и понял - это ноет сердце. Потому что воочию представил то страшное, что могло случиться с его несносной соседкой. Ему нестерпимо захотелось обнять ее, прижать женскую голову в мохнатой ушанке к своей груди, но девушка посмотрела на него так неприветливо, почти сердито, что он невольно смутился и отвел взгляд. Похоже, эта девица способна читать чужие мысли, иначе почему вдруг таким откровенным недружелюбием сверкнули ее глаза?

- Не будем терять времени. - Людмила в последний раз окинула его суровым взглядом и первой ступила от обочины в снег, тут же провалившись в него по колено. - Оглянулась на Барсукова и вдруг весело и лихо подмигнула ему: - Смелее, подполковник, если не хотите к утру, как сами говорите, в сосульку превратиться.

И он шагнул вслед за ней на снежную целину...

Зима... Мороз... Стылые камни и снежное море, сквозь которые к одной им ведомой цели пробираются две человеческие фигурки, такие крошечные на фоне безбрежной тайги и высоченных горных хребтов, подпирающих бездонное, белесое небо.

Черное пятно пихтового леса, словно клякса на ослепительно чистом листе бумаги... Мертвый шелест перемерзших ветвей... Стучит на сухостое работающий дятел, покрикивают, перелетая с дерева на дерево, сварливые сороки... Светит яркое холодное солнце, нестерпимо, обжигая глаза, блестит снег. Вершины гор стерегут девственную тишину высокогорья, а в глубине бледного, отрешенного от земных забот неба медленно-медленно плывет легкое и одинокое перистое облачко, точно морозный след на прозрачном стекле окна во вселенную.

Просторно, холодно, первозданно бело зимой в Саянской горной стране, что лежит в центре Азии, в самом ее сердце...

Глава 9

– Ну вот, кажется, здесь мы и переночуем. – Людмила остановилась около очередного нагромождения камней и, склонившись почти до земли, заглянула в узкую щель под широкой и плоской базальтовой плитой. – Сухо и не дует. – Она скинула рюкзак на камни и деловито огляделась по сторонам. – Сначала заготовим дрова для костра. Много дров, иначе загнемся до утра. Потом нарубим лапника, и надо будет оборудовать место для ночлега. – Она подошла к рюкзаку, достала из бокового клапана небольшой топор в брезентовом чехле и подала его Денису. – Разведайте пока ближайшие окрестности на предмет дров. И в снег не лезьте, лучше поднимитесь вверх по камням. Под ними можно найти сушняк и если повезет, то и приличную валежину.

Денис молча кивнул и стал подниматься вверх по склону. Кажется, эта девица полностью завладела инициативой, и ему ничего не остается, как подчиняться ей. Впрочем, он совсем даже не огорчился, отказавшись от командования. Похоже, все его знания и умения в сегодняшней ситуации ничего не значат по сравнению с опытом и сноровкой Людмилы Ручейниковой, которой, видимо, не впервой ночевать в подобных условиях, в снегу, при двадцатиградусном, если уже не больше, морозе на пару с чужим мужиком... Он усмехнулся. Интересно,

сколько раз она попадала в сходную ситуацию, если не испытывает ни малейшего стеснения от того, что проведет ночь наедине с почти незнакомым, посторонним человеком в опасной близости и тесноте?..

Он почувствовал неприятную сухость во рту, зачерпнул горсть снега и, торопливо съев его, оглянулся назад. Людмилы за камнями видно не было, и он вдруг рассердился на самого себя: с чего это он вдруг так расслабился, позволив этой девице командовать собой? Не хватало еще, чтобы им помыкали, даже если он случайно и оказался в некоторой зависимости от нее.

Так, шаг за шагом, поругивая себя за непонятную уступчивость, он потихоньку-помаленьку достиг самой высокой точки косогора и огляделся по сторонам. Метрах в двухстах внизу копошилась маленькая девичья фигурка, но чем она занималась, он, как ни силился, разглядеть не сумел. По обе стороны от него простиралась длинная серая лента курумов. Позади – темный хвойный лес. Туда он решил не ходить, вспомнив наказ Людмилы не лезть в глубокий снег. Ботинки у него и так уже были полны снега, и стоило на несколько минут задержаться на одном месте, как ноги тут же весьма ощутимо замерзли. Да и ветер тут был злее и пронзительнее, чем внизу, так что пришлось десяток раз подпрыгнуть на месте, потом сделать несколько энергичных махов руками и только после этого отправиться в путь по камням в поисках дров.

Он еще раз огляделся по сторонам, выбирая маршрут, и решил идти вправо, там вроде и снега меньше, и спуск к их нечаянному лагерю более пологий...

Прыгая с камня на камень, спускаясь в узкие расселины, он обнаружил множество сухих веток и даже стволов деревьев, так что пришлось совершить несколько ходок вверх-вниз, чтобы принести сушняк к лагерю.

Но Людмила смилостивилась только тогда, когда куча дров по высоте сравнялась с самим Барсуковым, а по спине подполковника ручейками заструился пот. Но и после этого передохнуть ему не позволили. При помощи невесты откуда взявшейся двуручной пилы они распилили несколько особо толстых лесин на чурки, которые приказано было тут же расколоть на поленья. И к своему стыду, Денис изрядно помучился над ними, так как по-настоящему в последний раз колот дрова лет этак десять назад на даче у бывшего тестя. Но плохо или хорошо, но через час задание он выполнил и только тогда заметил, что под шумок Людмила перетащила все нарубленные им ветки и поленья в щель под плитой и сложила их в углу в аккуратную поленницу, отчего места в их

будущем убежище осталось еще меньше. И Денис, усмехнувшись про себя, подумал, что их ложе на сегодняшнюю ночь окажется даже более узким, чем он предполагал до этого.

Но Людмилу, кажется, это совсем не беспокоило. Покончив с дровами, она приказала Денису заняться заготовкой лапника для постели, а для того чтобы срубленные ветки не слишком извалялись в снегу, посоветовала складывать их на спальник, который она успела вытащить из рюкзака и, расстегнув «молнию», превратила его в широкое пуховое одеяло ярко-пунцового цвета.

Заметив, с каким удивлением Барсуков рассматривает спальник, пояснила:

– Я его специально таким ярким нейлоном обшила. Два года назад мне это здорово помогло! Перед самым Новым годом попала в одну неприятную ситуацию. Не заметила под снегом промоину на льду озера. Влетела в нее лыжей «Бурана» на полном ходу. Правда, мне повезло: отбросило в сторону, иначе вместе с «Бураном» ушла бы на дно. Но ногу потянула сильно, не могла идти... – Она чуть исподлобья посмотрела на Дениса, словно проверяя его реакцию на свой рассказ, и продолжала: – Как на беду, запуржило... Двое суток отсиживалась в сугробе, потом услышала вертолет. И если бы не этот спальник, который мне удалось разложить на снегу, вряд ли меня заметили бы сверху, потому что всю еще мела поземка...

– Интересно, сколько нам придется тут проканителиться? – спросил Денис и добавил: – Может, из Ентаульского машина какая пройдет, вернемся в поселок, а оттуда по радиации свяжемся с Вознесенском.

– Вряд ли сегодня появится машина с той стороны, – усомнилась Людмила. – Дорога сама по себе опасная даже днем, кто же решится по ней в ночь ехать? А утром нам смысла не будет назад возвращаться. Я думаю, в Вознесенском уже к ночи узнают, что сошла лавина и перекрыла трассу. Часа в четыре из района обычно идет машина, на которой везут хлеб в Ентаульский. Лавина упала часа этак в два пополудни, значит, хлебовозка не прошла и вернется назад в село, но не раньше восьми вечера... Да и наше с вами невозвращение в положенное время тоже, думаю, без внимания не останется. Так что не иначе как утром нужно ждать вертолет со спасателями. Они ведь не знают, прихватила когонибудь лавина или нет. А для начала зимы снега там грохнулось необычайно много... – Людмила из-под козырька ладони глянула на солнце, заходящее за полыхавшую багрянцем тучу, и вздохнула: – Поторапливаться надо, как бы опять

метель не закружила.

Денис ничего не ответил, а только зябко поежился. Промокшая от пота тельняшка уже не согревала, и он, прихватив топор и спальник, поплелся к ближайшему леску за лапником. Помахав изрядно топором, он опять согрелся и даже воспрянул духом, когда вдруг заметил, как весело улыбнулась его подруга по несчастью, увидев перед собой поистине гигантскую гору пихтового лапника, но вслух пожурила:

– Кажется, вы все ближайшие пихты ободрали до самой верхушки. Вполне хватило бы и половины того, что вы нарубили.

– Надо было более четко определять задание! – огрызнулся подполковник, но Людмила, не обратив на это явно справедливое замечание никакого внимания, велела ему заделывать ветками щели, большие и маленькие, сверху присыпать снегом, а сама занялась обустройством их убежища изнутри.

Выполнить задание оказалось непросто. Сухой снег никак не желал задерживаться на ветвях, осыпался, и щели между камнями ликвидировать не удавалось даже при помощи дюжины особо крепких словечек, которыми он весьма успешно пользовался со времен своей службы на флоте не более десятка раз и только в тех случаях, когда ситуация внезапно выходила из-под контроля. Правда, произнести их вслух Денис так и не решился, зато вмиг сообразил, как справиться с заданием: пробил ногой лед и обмакнул ветви в пробегающий мимо ручей, потом обвалял их в снегу. Теперь работа пошла быстрее и стала походить на игру: в детстве они, проказливые и пронырливые деревенские пацаны, строили подобным образом целые крепости из веток, досок и снега, слегка политого водой.

– Денис Максимович! – Женский голос отвлек его от воспоминаний. Он оглянулся. Девушка стояла рядом и с откровенным удивлением разглядывала то, что успели сотворить по ее заданию руки подполковника милиции. – А у вас неплохо получается! – произнесла она, слегка растягивая слова, и одобрительно посмотрела на Барсукова.

И он вновь почувствовал себя пацаном, которого неожиданно погладили по голове, вместо того чтобы совершенно справедливо оттащить за уши.

– Да-а! – Людмила озадаченно покачала головой. – В разведку с вами я бы все-таки пошла...

– А почему все-таки? Вы по-прежнему сомневаетесь во мне? – усмехнулся Денис.

Девушка пожала плечами, но не ответила, а обвела его озабоченным взглядом.

– Кажется, мы не учли одного обстоятельства: сумеете ли вы пролезть в это отверстие. – Она кивнула головой в сторону их убежища. – Честно сказать, я и то с трудом его прохожу.

Барсуков присел на корточки и озадаченно покрутил головой.

– Вы правы, Людмила Алексеевна! Вход придется расширить. Иначе ночевать мне на улице. Но вы же этого не желаете? – Он снизу вверх посмотрел на нее и улыбнулся. – Или я ошибаюсь?

– За кого вы меня принимаете? – улыбнулась Людмила в ответ и протянула ему топор. – Попробуйте расчистить вход от камней. Поддевайте их лезвием...

– Спасибо, – вежливо поблагодарил ее Денис, – вы так подробно меня инструктируете, словно я сроду ничего в руках, кроме ложки и вилки, не держал.

– Нет, почему же? Я вполне допускаю, что еще кое-что держали, пистолет, например, или ручку, чтобы протоколы писать!

Барсуков отвалил от входа несколько камней с прилипшими к ним пластами снега и, не поднимая головы, пробурчал:

– К слову, я родился в деревне и кое-что тоже умею руками делать. Например, коров доить...

– Да, это очень важное умение, особенно в нашем положении. – Людмила оттащила в сторону вывороченные камни и сложила из них небольшую пирамиду. Скептически оглядела ее и с явной издевкой посмотрела на подполковника. – Конечно, если есть захочешь, то и медведицу подоишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mel-nikova_irina/moy-laskovyy-i-nezhnyy-ment

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)